

ЖЕМЧУТ
КОРОЛЕВСКОЙ
СУДЬБЫ

Глава 1

Англия. Лондон. Крепость Тауэр
Февраль 1554 года

Одна из стен комнаты, в которой даже в солнечную погоду было сумрачно, отличалась от других тем, что воздух в ней никогда не прогревался полностью. Приложив к ней ладонь жарким летним днем, можно было вспомнить стылую бесснежную зиму, а вместе с ней теплое сладкое вино и мягкий хлеб, который так любили дети и, наевшись, начинали лепить из воздушного мякиша всякие нелепые фигурки. Ну а именно зимой стена комнаты становилась ледяной, будто бы снаружи на нее постоянно кто-то дул, чтобы охладить полностью и чтобы тот, кто ненароком прислонится к ней изнутри, испугался бы до смерти.

Четырнадцатое февраля одна тысяча пятьсот пятьдесят четвертого года нельзя было назвать холодным днем. По сути, зима уже ушла и только грязный мокрый шлейф ее ободранного посеребрившего платья волочился по дорогам, оставляя за собой слякоть, покрывающую не только городские мостовые, но и загородные дороги, разрезающие широченные поля.

Как раз возле этой самой стены и стояла в тот самый день та, которая не могла думать о наступающей весне. Она даже о завтрашнем дне не думала.

8 *Для нее все, что было сегодня, было последним и в ее недолгой жизни. И если оглянуться назад, то мало кто бы назвал все, что ей пришлось преодолеть за свои неполные семнадцать лет, беспечным времяпровождением.*

Она стояла, упираясь в холодную стену лбом — почему-то ей было легче от этого. Накануне, перед ужином, она почувствовала прилив жара, но никому не сообщила об этом. Ни матери, ни слугам. Дождавшись ночи, она отказалась от помощи слуг и разделась сама, каждую минуту останавливаясь и переводя дух.

Но уснуть она так и не смогла.

В комнате, кроме нее, никого не было. Чувствуя себя довольно плохо и задыхаясь в душном пространстве, она случайно обнаружила, что обычная каменная стена может принести ей облегчение только лишь тем, что дарила свою прохладу. Именно этого и не хватало сейчас.

Дверь открылась. В образовавшуюся щель протиснулась худенькая женская фигурка в простом сером платье.

Девушка обернулась.

— Энн, — позвала она. — Я думала, что ты не успеешь.

Энн Генфилд было двадцать три года. Прислуживать богатым членам общества в ее роду было делом семейным. Однако никому из ее рода не удавалось достигнуть такого высокого уровня доверия — хозяйка, которой за последние месяцы пришлось сменить не только семейное положение, но и титул, а также место жительства, так и не рассталась со своей верной Энн, приставленной к ней еще в доме Сеймуров много лет назад.

— Господи, да вы больны! — ахнула Энн, 9
бросаясь к своей госпоже с протянутыми руками. — И под окном встали. В постель, в постель!

Энн было разрешено командовать, если того требовали обстоятельства и здравый смысл. Хозяйка не спорила с ней, а только тихо слушалась и едва заметно улыбалась, наблюдая за тем, как Энн носится вокруг маленьким вихрем. Обе знали, что все понарошку. Обе помнили, кто здесь главный.

Но сейчас на плечо Энн легла худая рука, заставляя служанку замолчать.

— Помоги одеться, Энн, — строгим голосом попросила девушка. — Скоро придет сэр Бриджес, а мне очень нужно тебе кое-что рассказать.

Энн кивнула. Она сняла со спинки кровати небрежно брошенное на нее платье и, засомневавшись, замерла.

— Все в порядке, — успокоила ее девушка. — Ни к чему сегодня наряжаться. Сойдет и то платье, в котором я была вчера. И позавчера. Помоги же.

С помощью служанки девушка оделась, так и не заметив, что Энн изо всех сил старается казаться деловитой и даже спокойной, и это стоило ей невероятных усилий.

Усадив хозяйку перед столиком с зеркалом, она встала за ее спиной и принялась приводить в порядок ее светлые волосы — сначала руками, а потом с помощью гребня.

Девушка всмотрелась в свое отражение. Выглядела она и впрямь плохо. Ей показалось, что за ночь ее глаза стали больше и сильно выделялись на лице, чего бы ей очень не хотелось. Она заболела, и в этом нет ничего удивительного, но с учетом всех обстоятельств это волновало ее сейчас меньше всего.

10 *Она не хотела отвечать ни на один вопрос из тех, которые ей предстоит услышать. К ней наверняка приведут мать, которая, не приведи Господь, разрыдается и отнимет у старшей дочери последние силы.*

Служанка заплела волосы девушки в длинную косу, подтянула ее к затылку, закрепив серебряной заколкой. Осталось накрыть голову хозяйки белым чепцом, чтобы открыть шею, но именно это простое действие Энн совершить так и не смогла. Она снова замерла на месте с поднятыми руками, держа чепец прямо над головой той, которой служила, казалось, всю свою жизнь.

— Потом, — услышала Энн тихий голос. — На это у меня точно найдется время.

И тут Энн не выдержала. Все силы, которые она копила для последней встречи, разом закончились. Встретившись взглядами в отражении небольшого овального зеркала, обе девушки мгновенно изменились в лице: обе со страхом смотрели в глаза друг друга, но только у одной из них они наполнились слезами.

Та, которая сидела, не оборачиваясь, вытянула руку назад и, нащупав грубую ткань платья служанки, потянула ее на себя. Энн тут же обошла стул и села на скамеечку у ног хозяйки.

— Скажу тебе только то, что я теперь совершенно спокойна, — призналась та. — Мне и страшно и нет одновременно. Я напугала тебя — прости.

— Да как же это? — подалась вперед Энн, уронив чепец на колени. — Как?

— Бог никому и никогда не говорит о том, о чем нам знать не положено, — слегка наклонилась к ней девушка. — Но он всегда рядом. Он везде и постоянно. Он и сейчас со мной.

Она сняла со столика маленький молитвенник и показала его служанке. 11

— Ты понимаешь, о чем я говорю, я это точно знаю, — продолжила хозяйка. — И не мне лить слезы о том, о чем я совсем недавно жалела. Возможно, не будь я замужем, все сложилось бы иначе, но какой толк сейчас об этом говорить? Но все-таки я жалею, Энн. Жалею, что в какой-то момент прислушалась не к тем людям. Все они хотели, чтобы я поступила так, как... поступила. И лишь я одна была уверена в том, что это ошибка. Большая ошибка. Но виновата только я. Только по моей вине сегодня утром казнили моего мужа. И те, кто уйдет вслед за нами...

— Перестаньте! Хватит! — взмолилась Энн, забыв о существующих границах и статусах. — Не вы. Святая душа, Господи, да неужели вы думаете, что способны на что-то плохое?

— Ты и сама все видишь, — спокойно ответила ей девушка. — Даже моя кровная сестра Мария, которая относилась ко мне с исключительной добротой, не смогла принять тот факт, что я все еще жива, поскольку те, кто до сих пор стремился посадить меня на трон, шли в бой с моим именем на устах.

Энн была сильна в политике ровно настолько, насколько старый кучер понимал в замесе теста. Однако проживание и усердная работа в числе прислуги в доме барона Джона Сеймура кое-чему ее научили. Она поняла одно: не обязательно мыслить глобально и знать о том, что творится за пределами вверенной тебе территории. Гораздо важнее уметь запоминать какие-то мелочи там, где находится твое гнездо, а об остальном позаботятся те, кто лучше разбирается в приграничных угодьях. Потом сами все расскажут.

12 *И Энн рассказывали. Кухарки, прачки, да те же конюхи или поставщики свежего мяса и птицы, которые и сами выбирали из сплетен и слухов то, что казалось им наиболее достоверным, а потом щедро делились накопленным с другими. Энн же все услышанное держала в памяти, после чего ей оставалось всего-то подмечать изменения в темах, которые обсуждались теперь уже там, где чаще всего находилась она — в гостиных и покоях замка.*

Именно так она и узнала, что воспитанница барона Джона Сеймура, к которой Энн была приставлена целых восемь лет, готовится занять английский королевский трон.

Этот путь Энн прошла со своей хозяйкой до конца. Он был недолгим и продлился всего девять дней. За это время Джейн Грей успела перебраться в Тауэр, где вместо короны получила презрение всего английского народа и... великодушное прощение истинной наследницы трона — Марии Тюдор. Несмотря на то что в жилах Джейн тоже текла королевская кровь, она все-таки была не так чиста, как кровь Марии — родной дочери умершего Генриха VIII и единокровной старшей сестры его единственного сына Эдуарда VI. Однако именно Эдуард перед самой своей смертью назвал королевой не Марию, а Джейн.

Узел, который никогда не развяжется.

— Ты была рядом, ты все слышала, ты все знаешь, — торопливо заговорила Джейн. — Не возражай. Не смотри на меня так — я выгляжу гораздо хуже, чем чувствую себя внутри. У меня очень мало времени.

Энн молчала, получив непрямой запрет на возражения.

— Гилфорда казнили на рассвете, — 13
продолжила Джейн. — Я видела, как все
случилось, и мне кажется, они специально сдела-
ли так, чтобы я смогла наблюдать за тем, как
его лишат жизн. — Энн сразу поняла, кто такие
«они». За этим словом скрывались тысячи нехоро-
ших людей, которых она ненавидела всей душой. —
Я справилась. Попросила мать оставить меня одну,
и она, слава богу, сама захотела уйти. Видеть мне
ее больше не хочется, но вот с сестрами я бы попро-
щалась. Впрочем, теперь за меня все решают другие
люди, и я на всякий случай написала всем прощаль-
ные письма.

— И... ей? — с надеждой спросила Энн.

— Да, и королеве тоже, — бесстрастно произ-
несла Джейн. — Их непременно передадут... я наде-
юсь на это. Поддай воды.

Энн подорвалась к окну, там стоял стакан с ле-
дяной водой.

Джейн пила медленно, с перерывами, после чего
вернула стакан служанке.

— Со мной ты не пойдешь, Энн, — приказным
тоном сказала Джейн. — На эшафот я отправлюсь
в сопровождении сэра Бриджеса. Так нужно.

Энн прижала руку ко рту.

— Дело, которое я хочу поручить тебе, на-
столько важное, насколько неважна сейчас моя
жизнь. Тебе, боюсь, это сложно представить и по-
нять, поэтому просто слушай, запоминай, а потом
сделай. Обещаешь?

Служанка кивнула. Да и что ей было еще де-
лать? Она была на многое готова, чтобы спасти
жизнь той, кого до сих пор считала королевой, да
вот только сделать ничего не могла.

14 — Два года назад, на другой день после нашей свадьбы с Гилфордом, к воротам замка пришла нищенка. Я узнала об этом случайно, когда спустилась на кухню. Там она и сидела, в темном углу, рядом с мешком лука. Одна из кухарок дала ей кружку молока, но та отказалась. Когда она встала на ноги, я увидела ее огромный живот, а после разглядела и ее саму. Это была совсем молодая женщина, Энн. Может быть, даже моя ровесница. И ей было совсем худо. Она захотела уйти, а кухарка, которая давала ей молоко, заметив меня, нарочно стала гнать ее вон. Я вступилась и попросила отвести нищенку к прачкам. Мы же должны помочь тем, кто рядом, если у них нет того, что есть у нас. Я посчитала своим долгом помочь и ей. Гилфорду я ничего не рассказала, а утром следующего дня решила провести ночную гостью. Той ночью, Энн, она умерла от родов, которые у нее случились. Но ребенок выжил. Я сразу взяла его на руки, как только увидела. Сразу, как только мне его показали. Маленькая, но такая сильная жизнь пробилась сквозь равнодушие и черствость, с которой столкнулась та, которая ее спасала. Я распорядилась отправить его в замок Судли, где мы с тобой провели детство. Там, мне казалось, ребенку будет хорошо. Помнишь ли ты миссис Гримсон?

— Повариху? — спросила Энн.

— Добрейшей души человек. Она знала, что ей делать с ребенком. Это была безумная идея, но именно тогда я почувствовала, что никогда не стану матерью. И тогда мы с миссис Гримсон придумали кое-что. До сих пор не могу понять, как же так вышло, что я оказалась способна на такое, но, Энн, мальчика взяла дочь миссис Гримсон.

— Алиса? Два года назад она тоже родила! — ахнула Энн. 15

— И грудного молока у нее хватало на двоих, — подхватила Джейн. — Никто, кроме нескольких человек, не знает о том, что малыш-то на самом деле найденный. Для остальных это был родной внук нашей поварихи.

— И мне не сказали, — с обидой пробормотала Энн.

— Прости меня. — Джейн взяла руки Энн в свои. — Я поклялась хранить эту тайну не ради собственного удовольствия. Не тщеславие управляло мной, а исключительно добродетель. Все тогда случилось неожиданно, а окончилось чудесными явлением новой жизни. Я не могла смотреть на это чудо равнодушно. Казалось, что ребенка мне послали высшие силы, и я обязательно должна оценить этот подарок. Быть за него благодарной, понимаешь? И я была, клянусь тебе. Миссис Гримсон получила достаточно денег для того, чтобы ее семья ни в чем не нуждалась. Малыша я навещала не так часто, как бы мне того хотелось, но однажды Гилфорд заметил, что я много времени провожу в Глостершире, в замке Судли. Алгать я не умею, Энн. Да, я не рассказывала мужу всего, но непременно бы призналась, если бы успела... Боюсь, Энн, что жизнь маленького Генри сейчас в большой опасности. И твоя тоже.

Служанка недоверчиво мотнула головой. Она все еще не понимала.

— Моя старшая сестра захочет искоренить все, что связано с Тюдорами, несмотря на то что сама принадлежит к нашему роду. Но она теперь коронована, а я из тех представителей нашей фамилии, которых ей видеть будет неприятно.

16 — *Иначе бы она оставила вас в живых, — поняла Энн. — Но чего ей бояться? Ведь вы и не стремитесь завладеть троном.*

— *Стремятся мой муж и свекор. Для Марии я тоже кажусь угрозой. Послушай меня. О малыше знали только миссис Гримсон, ее дочь и ее муж, который очень сильно болел и, наверное, уже умер. Люди они подневольные, а теперь, когда меня приговорили, они остались без какой-либо защиты с моей стороны. Я предчувствовала это, Энн. И кое-что сделала для своего названного сына. Теперь он не безродный подкидыш, а Генри Грей. И родители его — мой муж Гилфорд Дадли и я.*

— *Вы дали ему свою фамилию?*

— *Свою, Энн, поскольку муж вряд ли бы согласился с моей затеей. Документ о рождении Генри хранится в моей спальне, под ковром, где я еще в детстве устроила себе крохотный тайник. Ты должна немедленно отправиться в Глостершир, к миссис Гримсон, забрать Генри и бежать с ним как можно дальше. Вот перстень, который мне подарила мать. Забери его и продай, за него хорошо заплатят, а если кто-то спросит тебя, откуда он, то смело отвечай, что это подарок твоей госпожи за твою же преданную службу, но теперь ты оставила работу из-за того, что родила, и едешь к мужу, который отправился на заработки. Имени моего не называй! Вырученных за перстень денег должно хватить и на дорогу, и на ваше устройство в других краях. Ребенка необходимо увезти из страны как можно быстрее и как можно дальше, потому что здесь ему оставаться нельзя. Королева доберется до него, я в этом уверена. И как бы я ни надеялась на ее милость, все-таки рисковать жизнью того, кого*

люблю, я не имею права. Миссис Гримсон тебе поможет все сделать, если ты передашь ей от меня письмо — вот оно. И еще... 17

Она прикрыла глаза и покачнулась. Энн тут же вскочила на ноги.

— Все нормально. Просто... слушай дальше, — остановила ее Джейн.

На столике возле зеркала лежало шитье. На шелковый носовой платок, обшитый с трех сторон разномастными некрупными жемчужинами, аккуратно сложенный вдвое, Энн сначала не обратила внимания, но именно его и взяла в руки Джейн.

— Здесь есть секрет, — понизила голос Джейн. — Одна из жемчужин была испорчена — она была пуста внутри. Я обнаружила это случайно, когда работа была практически закончена. И вот тут, Энн, я снова получила знамение. В коридоре ты могла заметить солдат ее величества. О, меня охраняют теперь так усердно, как никогда в жизни. Один из гвардейцев несколько дней назад вдруг решил, что я захочу уйти из жизни раньше, чем меня поведут на эшафот. Он представился — его имя Джон Ниманн. Во время последней прогулки, уловив момент, чтобы застать меня одну, без мужа или кого-либо еще поблизости, он дал мне маленький твердый шарик, размером буквально с блоху и резко пахнувший серой, и сказал, что я, если пожелаю, просто должна буду бросить этот шарик в воду и выпить ее. После я бы просто уснула... навечно. Это, по его мнению, спасло бы меня от смерти мучительной, но подарило бы легкую, которая мне более подходит. Братъ из его рук я ничего не хотела, но солдат быстро ушел. Это яд, Энн. И я спрятала его в той самой бракованной жемчужине, а отверстие залила воском. Возьми этот платок и запомни место, куда

18 *я ее пришла. Вот оно, с самого края. Воспользуйся ядом только в крайнем случае и лишь тогда, когда тебе станет понятно, что смерть для тебя и Генри будет лучшим выходом, чем то, что вам предлагают вместо нее.*

Энн взяла в руки платок, который теперь казался ей самой важным предметом в жизни. Этот день, который до этого казался ей страшным и самым черным за все время, которое она провела рядом со своей хозяйкой, стал и вовсе казаться кошмаром.

— Поторопись, — горячо зашептала Джейн. — После моей смерти у сестры окончательно будут развязаны руки. Быть королевой далеко не так приятно, как кажется. Уж я-то знаю. Но даже если она и не захочет делать что-то плохое с теми людьми, кто меня окружал и помогал мне, то, поверь, желающих сделать это вместо нее найдется очень много. Не забудь поблагодарить от моего имени миссис Гримсон и всю ее семью. Береги себя, Энн. Береги маленького Генри! Слушай свое сердце и молись, молись! Говори с Богом с чистой душой, и он не оставит тебя.

В дверь комнаты постучали. Джейн не торопилась дать разрешение, которое позволило бы визитеру зайти в комнату. Но и она, и ее служанка прекрасно знали, что на самом деле разрешения никому не требуется — оно является лишь данью уважения к той, кто недавно салютовал юной королеве. Среди охранников леди Джейн Грей были те, кто присягнул на верность Марии Тюдор, но мысленно оставался верен другой женщине.

Дверь отворилась. На пороге стоял комендант Тауэра сэр Джон Бриджес.

— Мэм? — склонил он голову.

19

— Еще одну минуту, сэръ! — взмолилась

Джейн.

Комендант Тауэра был бы рад уйти и больше не возвращаться в один из «каменных желудков» крепости, чтобы не видеть Джейн и не смотреть в ее огромные прозрачные глаза. Несколько часов назад он отвел на эшафот ее мужа Гилфорда Дадли и, передав того в руки палачу, вдруг осознал, что будет с женой Гилфорда — хрупкой, тонкой Джейн Грей скоро предстоит пройти тот же путь. Комендант проклинал свои обязанности. В этот день он мечтал напиться ближе к ночи до такой степени, чтобы не было сил поднять голову и посмотреть в темное небо.

Сэр Джон Бриджес вышел, прикрыв за собой дверь. Стоявший у стены молодой солдат с каменным выражением лица смотрел в стену.

Комендант не удостоил его своим вниманием. Он старался не запоминать лица людей, которых встречал на пути в особенно сложное для себя время. Они могли вернуться ночью в искаженном виде. К тому же его статус не обязывал разговаривать с каждым охранником, подпирающим дверь камеры заключенных под стражу преступников.

— Кто она — эта Джейн Грей? — однажды проворчал пьяный торговец щетками для волос, к которому Энн иногда заходила, бывая на рынке. — Кто такая эта выскочка? Разве она родня королю? Да ее никто и в глаза не видел.

— Меньше пить надо, — раздраженно ответила ему толстая прачка. — Она тоже приходится родственницей покойному королю, хоть и дальней. Но ты прав: она заняла трон, который принадле-

20 *жит кровной дочке Генриха, если уж с сыном у него не вышло. А ты здесь что застыла? — заметила она Энн, прислушивающуюся к разговору.*

Энн очнулась. Она совсем забыла об осторожности. О ее госпоже говорили плохо, и девушке было больно это слышать. Но и уходить она не торопилась, зачем-то нарочно мучая себя и подслушивая чужие мысли.

— А я... мне... — забормотала Энн, и пьяный торговец вдруг пожалел ее.

— Злая ты, как собака, — с чувством произнес он в сторону прачки.

— А ты сама доброта! — тут же ответила та.

— Хоть под бабым каблуком поживешь, а то вечно одни мужские причиндалы перед глазами! — хрипло рассмеялся торговец, весело глядя на Энн, и тогда она решила, что если уж он за нее заступился, то можно ему и улыбнуться, пусть даже и через силу.

Его замечание насчет женского каблука означало то, что Джейн Грей была первой женщиной в истории Англии, занявшей трон — до того Англией управляли исключительно мужчины.

— Как по мне, то юбка или твое хозяйство на троне будут смотреться одинаково. — Прачка выразительно окинула взглядом соседа по торговому ряду. — Все равно буду наблюдать издалека.

— Аха-аха, — хрипло засмеялся торговец. — Выбора нам не дали, это верно. А стоило бы. Есть у меня некоторые сомнения насчет доверия к нынешней власти...

— У тебя-то?!

— Приходи, когда стемнеет, и я расскажу, — хитро улыбнулся торговец.

— Ты бы об этом с гвардейцами погово- 21
рил, дурак!

— Не, мне жить не надоело...

Энн воспользовалась моментом и поспешила
уйти.

*Именно так и реагировали жители Лондона на
новость о том, что страной собирается править не
прямой наследник Тюдоров, а его внучатая племянни-
ца. Многие искренне считали Джейн хитрой преступ-
ницей и желали навести хоть какой-то порядок, если
не в своей жизни, то хотя бы в королевских кулуарах.*

Ну что ж, их молитвы были услышаны.

Москва. Май 2021

— Я тут поковырялся в документах. Район
старый, красивый. Все рядом, включая два дет-
ских садика и три школы. Магазины тоже есть, но
самое главное преимущество состоит в том, что
вашими соседями будут очень хорошие люди. —
Последние слова риелтор произнес с заученной
улыбкой. — Оказывается, сотрудники нашего
агентства уже несколько лет этот район посеща-
ют, заключают сделки. Все честно. В этом доме
пару раз тоже были.

— Продают или покупают? — деловито осве-
домился у него Денис.

— Чаше продают, — погрустнел риелтор. —
Жильцы здесь по бóльшей части возрастные, мо-
сквичи чуть ли не сотого поколения... сами пони-
маете.

— Умирают, — догадалась Катя. — А потом
появляются их родственники, которых никто не

22 видел, и начинают биться за наследство.
Случается такое?

— О таком не слышал, — возразил риелтор. — Но не все так грустно! И потом, вы же тоже получили квартиру от кого-то в подарок, не так ли?

— Катина мама была опекуном женщины, которая отписала ей жилплощадь, — напомнил Денис. — Катюха теперь у нас богатая невеста.

Риелтор засмеялся фальшивым смехом и посмотрел на Катю уже другим взглядом.

«А она ничего, — подумал он, машинально оправляя пиджак. — А я, похоже, так и помру в своей съемной однушке».

— Давайте знакомиться, — протянул он руку Денису. — Меня Романом зовут.

— Денис.

— Катя.

Они стояли во дворе огромного жилого дома до-революционной постройки. Его выстроили в форме буквы «П», и, даже не заходя внутрь, любой прохожий, присмотревшись, мог заметить довольно большое расстояние между оконными проемами. Это говорило о том, что внутри дом состоял из просторных помещений с высокими потолками. Об этом, впрочем, Денис и Катя уже знали. Перед первым посещением своего нового жилища они полночи проторчали в интернете, рассматривая фото похожих квартир, и выискивали отзывы, чтобы лишний раз убедиться в том, что их квадратные метры самые лучшие и никто на них больше не претендует.

Мама Кати Валентина Петровна и впрямь была опекуном бывшей владелицы старинной трешки. Все началось четыре года назад, когда к ней обратилась давняя знакомая, собравшаяся

перебраться к сыну в Бразилию. Сама зна-
комая проживала в этом же доме, только
этажом выше.

23

— Валь, ну, и кому я ее теперь? — сетовала
знакомая. — Бабка с диагнозом, твердит всякое.
Родных вроде бы не осталось. Квартира вот толь-
ко потом отойдет государству, но тут уж ничего
не попишешь. Вряд ли у старухи были какие-то
мысли о завещании.

— Что, совсем сумасшедшая? — недоверчиво
уточнила Валентина Петровна. — Ну, я даже не
знаю.

— Да ты сама посмотришь. Она так-то адек-
ватная, пока крышу не сносит, но это у нее явле-
ние сезонное. Сходим к ней в гости, я вас позна-
комлю, а там сама решишь. Все же ее жалко, по-
тому что если никто за ней приглядывать не будет,
то сразу же упекут в психиатрию, а там она долго
не протянет. Моя мама с ней общалась в свое
время. Рассказывала, что по-соседски дружили,
соль-муку друг у друга одалживали. Только вот
я в силу детского возраста совсем не помню, как
и что там было. А потом мамы не стало, и мне до-
сталась уже не очень адекватная соседка. Взясась
за нее из жалости, а теперь, как уеду, кто за ней
станет присматривать? Да и денежка небольшая
тебе как опекуну будет капать, а у вас с Катюхой,
как известно, счета в швейцарском банке нет, —
виновато закончила знакомая.

— А какой у нее диагноз-то хоть?

— Черт его знает. Она говорит, что здорова.
Но я же не дура, ей-богу!

Валентина Петровна, подумав, согласилась.
Отмела меркантильные мысли насчет пособия,

24 здраво рассудив, что деньги за опеку все равно будет тратить на старушку, а добрые дела ей потом зачтутся. Перед встречей еще раз расспросила знакомую о характере своей подопечной, чтобы заранее быть готовой ко всему. Старушку звали Раисой Марковной Фельдман, на белом свете жила она уже восемьдесят шесть лет и, пока не ушла на пенсию, то преподавала в художественной школе. Никаких признаков каких-либо психических отклонений Валентина Петровна у нее не заметила, а то, что прежняя опекунша считала бредом, оказалось стихами ее любимого немецкого поэта Фридриха Шиллера, которые, как утверждала Раиса Марковна, работают похлеще самой глубокой мантры.

— Вы попробуйте, — наставительно посоветовала она Валентине Петровне. — Просто наизусть заучите какой-нибудь легонький стишок и твердите его без конца и края. У меня даже давление после такого упражнения в норму приходит.

Она часто вспоминала своих любимых учеников, ни один из которых так ее никогда и не навестил. Некоторое время после выхода на пенсию она писала копии картин известных художников и продавала их за приличные деньги, но с годами зрение и тремор рук стали подводить все сильнее. А еще на фоне возрастных изменений жить Раисе Марковне становилось все труднее — она банально могла забыть, в какой части квартиры располагается кровать, и часами бродила по комнатам, не узнавая обстановку. Помощь соседки пришлась как нельзя кстати, за что Раиса Марковна была ей бесконечно благодарна.

Разговор Раисы Марковны и Валентины Петровны закончился за полночь. Знакомая, которая их свела, давно ушла домой, а женщины все болтали и болтали ни о чем и обо всем.

Провожая Валентину Петровну до лифта, Раиса Марковна поблагодарила ее за участие и протянула запасной комплект ключей от своего дома.

— Больше всего мне нужно общение, — напоследок сообщила она. — Ну и, возможно, пакет молока и булочка. С остальным я справлюсь сама. В больницу ложусь дважды в год и по собственному желанию.

— А в какую, не подскажете? — напряглась Валентина Петровна.

— Гипертония же.

— А, точно, — отвела взгляд Валентина Петровна.

— Так вот, за время моего отсутствия вам ничего не нужно делать. Навещать меня в больнице тоже не надо. Когда выпишут — я вам позвоню. Но это будет еще не скоро.

Вернувшись домой, Валентина Петровна долго удивлялась, что реальность, к которой ее готовили, оказалась совершенно иной. Она ожидала увидеть растрепанное седовласое безумие, паутину по углам и грязное белье на полу, но все оказалось совершенно по-другому. В порядке и даже в благополучии оказалось. Картины в резных рамах, стеллажи со старыми книгами, статуэтки, подсвечники и свежий сыр на полке в холодильнике, а также чистые полы и приятный цветочный запах, который встретил ее уже на пороге —

26 вот тот мир, в который была вынуждена заточить себя «увядшая роза» по имени Раиса Марковна Фельдман.

Обсуждать контрасты с бывшей опекуницей Раисы Марковны мама Кати не стала. Оформив нужные документы, она стала навещать художницу даже чаще, чем было нужно. Женщины сдружились, Раиса Марковна, казалось, расцвела и даже строила планы о самостоятельной вылазке в парк, но все оборвалось в один момент. Высокое давление, звонок Валентине Петровне, «Скорая». До больницы не доезжали.

А потом Валентина Петровна и Катя узнали о том, что умершая завещала им квартиру со всем ее содержимым.

После осмотра квартиры Катя никак не могла прийти в себя. Известие о наследстве, которое упало им с мамой на головы, здорово сбило ее с толку. Завещание? Квартира? В старинном доме и в самом центре Москвы? Это что-то совсем за гранью. Они всегда жили очень скромно, а после того как отец ушел из семьи, несколько лет пытались привыкнуть к новому образу жизни.

Кате было семь, когда она виделась с отцом в последний раз. Именно так: они переглянулись, но не сказали друг другу ни слова, потому что нарядная первоклашка Катенька стояла в школьном дворе рядом с такими же, как она, во время школьной же линейки, а ее растерянный папаша прятался за спинами родителей, среди которых была и мама. Но маму Катя не заметила, а вот папу узнала. Он поднял руку и помахал ей. Катенька,

обрадовавшись, тут же стала искать взглядом маму, чтобы сказать ей, что папа тут, вон он, смотри! Но через минуту никого похожего на него она не увидела. Потом и мама куда-то пропала. И вот так вот, потеряв обоих, Катенька чуть не заплакала прямо на глазах у всех.

Мама потом, конечно, нашлась. А вот папа исчез бесследно.

Денис пришел к ним в школу в девятом классе. Скромный парень, вечно что-то ищущий в карманах, не знающий, куда деть руки, он вообще не привлек Катиного внимания, но вскоре выяснилось, что они практически соседи – семья Дениса переехала в соседний дом. Несколько случайных встреч вне школьных стен заставили обоих присмотреться друг к другу получше, после чего всем, кроме них, стало понятно, что Катя и Денис очень подходят друг другу. Правда, внешне эта парочка не выглядела как полный комплект. Катя была низенькой, пухлой и рыжеволосой. Той самой женской красотой, которую воспевают в социальных сетях, в ее случае и не пахло. Тем не менее была в ней какая-то женская харизма, и девушки, похожие на нее, редко жаловались на отсутствие мужского внимания. Денис же к окончанию школы словно расцвел, вымахав под два метра ростом и нехило раздавшись в плечах благодаря регулярным тренировкам.

После выпускного они покинули здание школы вместе и больше уже не расставались.

Сооружать настоящую семью ребята не торопились. Им попросту негде было жить. Катя и помыслить не могла, что в их с мамой малогабаритной двушке появится кто-то, с кем придется сталкиваться в дверях совмещенного санузла,

28 а у родителей Дениса, кроме него, было еще двое сыновей-школьников, и тут уже сам Денис не рискнул бы привести будущую жену в свое родовое и вечно орущее друг на друга племя.

Они ждали, но не сложив руки, а постоянно обдумывая варианты о снятии квартиры или пока что просто комнаты. Каждую копейку они несколько лет складывали на Катином банковском счете, идентифицируя вклад как первый и очень важный шаг к совместному проживанию. При этом оба чувствовали себя деловыми и серьезными молодыми людьми, а не то что кто-то там другой, который не умеет ни копить, ни зарабатывать, потому что не думает о завтрашнем дне. Они — думали.

Квартира, которую Раиса Марковна завещала Катиной маме, в самом прямом смысле была реальным шансом закончить этот бесконечный финансовый марафон, и, когда Валентина Петровна сообщила Кате о том, что теперь у нее и Дениса есть крыша над головой, она не поверили своим ушам.

— Мам, а ты? — невпопад спросила Катя, ошалев от растерянности.

— А что я? — бросила через плечо Валентина Петровна. — Ты меня, что ли, туда перевезти собиралась?

— Я думала, что ее можно продать...

— Так вы же на жилье копите.

— Но, мам...

— Хватит, — прервала нытье Кати мать. — Позже оформим документы, а пока что позвоните моему бывшему пациенту. Молодой парень, риелтор, просто разговорились с ним как-то, вот

я и запомнила. Пусть с вами туда сходит, 29
все объяснит и покажет.

Катя доверилась матери. Как врач-венеролог со стажем, она была на хорошем счету у пациентов. Попадались очень благодарные.

Риелтор честно отбил «благодарочку» Валентине Петровне, оценив перспективы и озвучив риски, касающиеся старинной «трешки», произведя недолгий, но пристрастный осмотр квартиры. Начал с самого неотложного и пошел по нисходящей.

— Менять тут надо, прежде всего, электропроводку, — заявил он, колупнув пальцем провод, торчащий из стены рядом с выключателем. — Трубы в стояке еще более-менее, их меняли, если судить по внешнему виду, всего-то несколько лет назад. А перекрытия-то в доме наверняка деревянные — ну, и сами понимаете, к чему клоню. Смеситель в ванной еще года три продержится, хоть он и не новый. Ну, и потолки с полами еще подождут, но не очень долго. Это, пожалуй, самое первоначальное. Остальное потерпит. Ну что, точно продавать не будете?

— Не, пока что нет, — замотала головой Катя. Денис, однако, ее не поддержал.

— Мы подумаем, — решил он. — Если что, то свяжемся с вами.

Оставшись одни, ребята распахнули окна и свесились с кухонного подоконника, рассматривая проходящую под окнами оживленную улицу.

— Ты серьезно собрался продать? — вспомнила Катя.

- 30 — Совсем, что ли?
— А то смотри у меня.
— Кать, это твоя квартира.
— Это наш дом, — строго возразила Катя. —

Понял меня?

Денис понял. Он вообще-то многого в этой жизни не понимал, но с Катей ему повезло. Рядом с ней он становился лучшей версией себя, а чего еще можно желать в двадцать два года от роду? Любви, денег или признания миром тебя самого и того, что ты умеешь делать? Все это у Дениса было, и он прекрасно понимал, что ему пока что крупно везло по всем фронтам.

Глава 2

После похорон Раисы Марковны нужно было определиться с ее вещами, которые оставались в квартире. Поминки Валентина Петровна устроила прямо там, а на столе были абсолютно простецкие закуски, которые бывшая владелица любила больше всего: кроме обязательных кутьи и блинов с медом, в меню присутствовал сырный салат с чесноком, маринованные огурчики и запеченная в духовке курица, которые покойница готовила часто и даже без повода. На двери подъезда было вывешено объявление о кончине Раисы Марковны с указанием даты и адреса прощания, но провисело оно недолго. То ли дворники сорвали, то ли кто-то еще.

Похоронили Раису Марковну на военном кладбище в часе езды от Москвы, потому что это было быстрее и проще, чем искать ее умерших родных.

О том, что Раиса Марковна скончалась, Валентина Петровна решила известить руководство той самой художественной школы, в которой всю жизнь трудилась покойная. Секретарь, ответившая на звонок, пообещала передать информацию директору и быстренько отключилась. Разговор был коротким, сухим, и Валентина Петровна сразу поняла, что на поминках, скорее всего, будет присутствовать только она. Ну, может быть, дочь с другом придут. Даже ее предшественница, которая, собственно, и познакомила женщин, ссылаясь на срочные дела, заявила, что быть не сможет.

А предметов обихода, которыми пользовалась при жизни бывшая художница, и впрямь оставалось немало. Раиса Марковна не страдала «синдромом Плюшкина», за что Валентина Петровна была ей задним числом очень благодарна. Но кое-какие запасы у старушки все-таки имелись. Например, в кладовке обнаружили залежи тканей различных фактур, включая модные в прошлом кримплен и отменный бархат, их в советские времена можно было увидеть в магазинах «Ткани». Огромные плоские рулоны громоздились друг на друге, подпирая стену, а на некоторых даже сохранились этикетки, сообщавшие о том, что все это добро было произведено в 1973 году. Там же, рядом, высилась батарея пустых бутылок из-под коньяка, вина и шампанского, которые, опять же, давным-давно исчезли из магазинов. И рулоны ткани, и пустая стеклянная тара вызвали у Валентины Петровны множество вопросов. В доме Раисы Петровны не было швейной машинки, а к спиртному она относилась с крайней опаской.

32 Решив, что ответы ей, так или иначе, не найти, Валентина Петровна вынесла бутылки на помойку, а ткань решила не трогать. Все-таки какое-никакое, а добро — за столько лет вон даже мошь не завелась.

Картины, которые писала художница, — вот что больше всего заботило Валентину Петровну. Оценить их она пригласила своего давнего знакомого, который некогда подрабатывал реставратором в Пушкинском музее. Тот, внимательно осмотрев каждый холст, вынес окончательный вердикт, гласящий следующее: копии работ известных мастеров представляют ценность только с технической точки зрения, но в общем и целом можно устроить выставку в память об усопшей.

На этом моменте Валентине Петровне стало понятно, что на этом ей, пожалуй, стоит остановиться и больше ничего не предпринимать. Спустя две недели после звонка на прежнее место работы Раисы Марковны она не получила оттуда ни ответа ни привета. Бывшую сотрудницу после ее ухода на пенсию там быстро забыли и после ее смерти вряд ли стали бы заморачиваться организацией выставки ее картин. Да и картины те сплошь копии...

Катя, впервые увидев увешанные живописными работами стены, пришла в восторг.

— Ма-а-ать, ты только посмотри, — восхищенно пробормотала она, окинув взглядом одну из комнат. — Ты только посмотри! Рембрандт, Лукас Кранах-старший и даже Томас Гольбейн, только теперь уже Младший! Да любой аферюга тебе за это богатство любые деньги отвалит!

— С ума сошла?! — возмутилась Валентина Петровна.

— Шутка, мать, — успокоила ее дочь. — Оставим все, как есть. Подделывать тоже надо уметь. Специалисты такого уровня всегда были на вес золота. Может быть, Раиса Марковна даже кому-то из мошенников и помогала, «слизывая» с оригинала. Теперь уже не узнать. Она тебе ничего на этот счет не говорила?

— Если бы сказала, то я была бы в курсе.

— Может быть, намекнула, а ты не поняла?

— Не намекала она ни на что, — отрезала Валентина Петровна и тут же задумалась. — Говорила, правда, что несколько раз работала на заказ, но это и не было чем-то незаконным. Многие обеспеченные люди хотят заполучить оригиналы картин известных художников в личное пользование, но музей никто грабить не пойдет. Для таких нерешительных Раиса Марковна и делала копии. На полученные деньги потом хотя бы жить по-человечески могла, потому что пенсия у нее была совсем маленькой.

— А давай закажем настоящую экспертизу? — предложила Катя. — Профессиональную и официальную, а? А вдруг здесь и оригиналы есть?

— Ни одного оригинала тут нет, — покачала головой Валентина Петровна. — Как раз таки на эту тему мы с Раисой Петровной поговорили. На каждом холсте стоит ее подпись.

— Ну ладно, — сдалась дочь. — Но ведь действительно отлично сработано.

Через несколько дней возле старинного дома остановился небольшой фургончик, заполненный сумками, узлами и нехитрой мебелью, которую Денис и Катя решили перевезти в свое новое жилище. Не то чтобы Раиса Марковна была аске-

34 том в плане обстановки, но вся мебель в ее квартире все-таки была для ребят чужой. Поэтому Катя прихватила из дома стеллаж и пару полок, а Денис привез крутое компьютерное кресло и письменный стол.

Новоселье отложили на потом. Сначала нужно было обжиться, сделать перестановку и, возможно, с чем-то расстаться навсегда.

После окончания института Денис работал по специальности — он иллюстрировал детские книжки, и получалось это у него замечательно. Его труд ценили и платили соответственно, поэтому довольно высокую квартплату он взял на себя. А Катя, окончив медицинский колледж, устроилась хирургической медсестрой, но очень быстро ушла из профессии.

— Хирурга из меня не получится, — призналась она матери. — Это дикая ответственность, не хочу быть крайней. Страшно, мам.

— Может, в салон красоты? — предложила Валентина Петровна. — Ноготочки, реснички или как там сейчас говорят?

— Уволь, мать. На каждом углу по три салона красоты. Не мое.

— Ну а как тогда?

А Катя и сама не знала. В медицину она подалась автоматически, как бы продолжая семейную традицию. Училась прилежно, но интереса к профессии так и не испытала. Научилась чему-то — и ладно. Решила, что пусть будет кусман хлебушка с маслом на будущее. И Катя решила после переезда немного посидеть дома, тем более что Денис зарабатывал неплохие деньги и не гнал ее на работу.

Катин день начинался рано, в половине седьмого утра. Как-то так повелось, что она всегда просыпалась в это время, чем несказанно радовала маму, еще учась в школе. Пробудившись, Катя потихоньку выкатывалась из постели, стараясь не разбудить Дениса, который частенько засиживался за работой допоздна, и чапала на кухню, чтобы соорудить на завтрак горячие бутерброды или омлет с помидорами. Каждый раз, включая чайник, она ждала, что Денис вот-вот появится на кухне, и они сядут за стол вместе, но этого почти никогда не происходило. Поэтому Катя расправлялась с омлетом одна, после чего с головой уходила в интернет.

Иногда она искала там вакансии, реже откликалась на них. С некоторых пор ей было чем заняться и кроме этого. Соцсети ее мало интересовали, новости тоже, и она тупо гоняла по различным сайтам, планируя дела на день.

А дел было прилично, и все они так или иначе относились к новому жилью. Катя внезапно обнаружила, что кроме отрезков ткани и холстов Раиса Марковна оставила после себя массу всего интересного, начиная с винтажных платьев и заканчивая фотоальбомами в клеенчатых обложках. В одной из комнат нашлась коробка с немецким чайным сервизом, в ящиках покоились тонны старых журналов, а в древнем коричневом чемодане нашлись незаконченные эскизы и наброски. Книг в доме тоже было немало.

— Да тут на пару лет только с этой макулатурой можно зависнуть, — ахнул Денис. — Давай, Кать, действуй. Если уж не ходишь на работу, то займись пристройством этого хлама.

36 — Упрекаешь или намекаешь? — не поняла Катя.

— Скорее, обозначаю свою позицию, — пояснил Денис. — Только хозяйкины эскизы не трогай, ладно? Жаль от такого избавляться. И вообще, я бы посмотрел на краски и кисточки, если они остались.

— Остались.

— Отлично же!

Катя прислушалась к его мнению. За плечами Дениса была художественная школа, Раиса Марковна тоже рисовала — кому как не ему одушевливать чужое творчество? А вдруг и сам воодушевится?

С тех пор Катя каждый день открывала для себя что-то новое то на очередной полке, то в следующей коробке. Любую найденную вещь она внимательно осматривала и решала ее дальнейшую участь. Что-то продавала на торговых интернет-площадках, что-то отдавала маме, что-то оставляла себе. Заниматься разбором чужих вещей ей вдруг очень понравилось — это занимало время, иногда приносило деньги в семейный бюджет, а иногда и кругозор расширяло.

Постепенно в доме становилось свободнее и светлее. Застывшее в отжившем свое интерьере время исчезало с каждой утраченной безделушкой. Помня советы риелтора Романа, ребята подлатали проводку, переклеили кое-где обои и заменили старые розетки на новые. Из кухни испарился облезлый гарнитур, уступив место стильному обеденному столу и ярким настенным шкафчикам. В гардеробе на вешалках болтались не старые пальто, а яркие молодежные куртки. Цветочные

горшки с колченогими алоэ отправились на лестничные площадки. В квартире часто играла музыка. 37

А вот с соседями по-хорошему сойтись не получилось. На парочку смотрели искоса, но Катя понимала, что просто нужно потерпеть. В этом доме Раиса Марковна жила очень давно, была со многими знакома. Теперь же, после ее смерти, молодые жильцы на пороге в ее квартире виделись соседям врагами. Правда, Катя хорошо запомнила, что никто из них не пришел проводить соседку в последний путь.

— А могли бы зайти, — заметила она.

— Но не зашли, — продолжил Денис. — Не забывай себе голову.

Его совсем не задевал тот факт, что никто из жильцов с ними не здоровается. Ни старик с первого этажа, ни старушка из квартиры слева. Главное, что сам он был с ними вежлив. И то, что после его спокойного «Здравствуйте» в ответ прилетал тяжелый взгляд в спину, его тоже не трогало. А вот Катя переживала.

— Думают, что мы ее убили, — сказала она Денису как-то за ужином. — Вот прям смотрю на них и понимаю, что именно так и думают.

— Наверняка, — согласился Денис, отрывая кусок пиццы. — А вдруг они правы?

— На маму так не смотрели, — вспомнила Катя.

— Твоя мама могла этого не заметить.

— Думаешь?

— Ой, Кать, да ладно тебе, — отмахнулся Денис. — Мы тут люди новые и моложе большинства соседей, а у них вся жизнь за спиной. Им только повод дай.

38 Наступила долгожданная осень, которую Катя каждый год ждала с особым нетерпением. Она плохо переносила жару и духоту, несмотря на то что так было не всегда. Ей стукнуло десять, когда они с мамой отправились в Севастополь, к берегам прекрасного Черного моря, но Катя, до того любившая солнце, неожиданно почувствовала себя плохо. Валентина Петровна не на шутку разволновалась: а вдруг отравление? В поезде вроде черешней угостились, а недавно брынзу на рынке покупали. Но очевидных симптомов, вроде тошноты или высокой температуры, не наблюдалось — Кате просто было плохо. Все то время, которое они провели на юге, она старательно пряталась под деревянным навесом на пляже, не получая никакой радости от каникул и заходя в воду исключительно с наступлением сумерек. Недомогание вскоре прошло, но отдых был уже испорчен. Вернувшись в Москву, Валентина Петровна первым делом потащила дочь по врачам. Их вердикты были разнообразными: кто-то подозревал болезнь сердца, кто-то посоветовал обратиться к онкологу, сдать анализы на гормоны и вообще обойти всех специалистов — на всякий пожарный. Но Катя оказалась здоровым ребенком. Никаких физических отклонений врачи не нашли и потому развели руками. И лишь невропатолог вскользь упомянул жаркую погоду.

— Вообще-то морской воздух принято считать целебным, — заметил он. — Но иногда организму этого мало. Это я к чему? Это я к тому, что многие не переносят жару. Сколько лет девочке? Десять? Она на пороге полового созревания. Полагаю, организм уже подает некие сигналы, указывающие...

— На что? — перебила его Валентина Петровна. — Все я знаю про созревание. Вы по делу-то что скажете? 39

— Ей надо поменьше находиться на солнце, — развел руками врач. — Возможно, что пожизненно.

— Ну, и черт с вами, — выдохнула тогда Валентина Петровна, выйдя из кабинета в коридор. — Значит, будет проводить отпуска в северных странах. Половое созревание. Надо же!

В том, что невролог оказался прав, Валентина Петровна убедилась уже на следующий год. Едва Москва нагрелась до тридцати градусов по Цельсию, как дочь мгновенно почувствовала себя нехорошо. И через год произошло то же самое, и через два тоже.

Денис, впервые узнав о Катином недуге, названия которому так и не придумали, радостно заявил о том, что всегда мечтал найти девушку, которая не потащит его на Мальдивы. Во-первых, это дорого. Во-вторых, далеко. В-третьих, а чего они там не видели?

Катя не знала, что и думать. После решила, что Денис во всем абсолютно прав.

Но с наступлением холодов Катя расцвела. Казалось, что даже оттенок ее рыжих волос становился ярче на фоне медно-желто-красных листьев, взлетающих с ветвей деревьев при малейшем ветерке. А эту осень она встретила в особенном настроении, потому что у них с Денисом появился свой дом.

Распрощавшись с последним мусорным мешком, Катя вернулась домой и заглянула в одну из

40 комнат, которую Денис оборудовал как свой рабочий кабинет.

— Все? Справилась? — оторвался он от компьютера.

— Да, — с гордостью заявила Катя.

— Извини, не мог помочь. — Денис посмотрел на экран. — Нужно доделать к утру.

— Тогда принесу тебе поесть, — просто ответила Катя.

Она не обижалась на него. Не видела смысла. И помнила, кто приносит зарплату домой — увы, это была не она. А тот мусорный мешок был совсем не тяжелым.

Катя молча поставила перед Денисом тарелку с сырными макаронами и хотела выйти из комнаты, чтобы не отвлекать его. Денис отлично умел одновременно орудовать и вилкой, и карандашом. Перерыв для еды ему не требовался. Но в этот раз он попросил ее остаться.

— Слушай, может быть, нам устроить новоселье? — спросил он.

И Катя будто бы очнулась. Блин, да как она могла забыть? Сама же хотела, а потом из головы вылетело.

— А ты сам-то хочешь? — на всякий случай спросила она.

— Ну, а почему нет? — ответил Денис с набитым ртом. — Займешься? Я на твою карту денег сброшу, а ты уже планируй. Обзвони всех своих, договорись. А я тем временем закончу вот это, — и он указал вилкой в сторону экрана, — а потом тебе помогу.

— А давай, — согласилась Катя. — На какое число планировать?

Через неделю в квартире было шумно илюдно. Пришли все приглашенные, а также притащили с собой незапланированных. Впрочем, никто не чувствовал себя лишним, а польза для Кати и Дениса была очевидной: гости принесли много всякого-разного для новоселов, включая неплохое вино и набор елочных игрушек.

— Чтобы Новый год на новом месте встречали и нас вспоминали, — радостно сообщили дарители. — Может, и мы придем, если пригласите.

Денис все больше общался с теми гостями, которые предпочитали сидеть на месте, а вот Катю то и дело просили провести экскурсию по квартире. Разумеется, она не отказывала. Ребята создали в доме абсолютно эклектичный интерьер, где оставшаяся после Раисы Марковны старинная мебель очень удачно сочеталась с островками современного интерьера, что выглядело необычайно удачным дизайнерским решением.

Среди гостей ярко выделялся коллега Дениса по имени Дима. Высокий темноволосый парень с длинной челкой, одетый в ярко-желтую футболку, пришел один, без пары. Девушки у него на данный момент не имелось, и он внимательно осматривал каждую женскую особь, проходившую мимо. С Катей он был знаком давно и не раз говорил Денису, что хотел бы иметь похожую на нее пассию.

— Но я, бро, тебя уважаю, поэтому можешь не бояться, — добавлял он. — Просто Катюха прямой тип. Да, Катюха? Ты ведь мой тип?

Катя смеялась в ответ на его заявления, одновременно поглядывая на Дениса, и каждый раз подмечала, что он ревнует. Тогда она demonstra-

42 тивно чмокала его в висок или в плечо и выплывала из комнаты, чувствуя на себе два взгляда, один из которых всегда был завистливым.

Но в этот раз для Димы имелось особое предложение. «Холостая» Катина однокурсница Ленка как-то сказала, что не особо горит желанием сплести руки на чьей-нибудь крепкой мужской шее, но Катя знала, что в глубине души та только об этом и мечтала. За плечами что у Ленки, что у Димы были неудачные отношения, после завершения которых прошло довольно много времени. Катя и Денис решили свести их хотя бы на один вечер — пара, даже предположительно, должна была получиться крайне привлекательной внешне.

— Они и характерами похожи, — вспомнил Денис.

— Может, и получится, — пожалала плечами Катя. — Мы с тобой как старые сводники. Ужас.

Ленка и Дима друг на друга сначала вообще не посмотрели, но спустя час Денис шепнул Кате, что процесс пошел. Ленка и Дима наконец-то зацепились языками и о чем-то разговаривали, стоя на балконе.

Тема их разговора скоро стала известна всем, кто был на новоселье, потому что Дима вернулся с балкона и тут же упал на пол.

— Господи, прости, — испугалась Катя. — Лен, ты что с мужиком сделала?

Лена ответить не успела, поскольку Дима тут же пришел в себя и принялся отжиматься от пола.

— Да ну, — разочарованно отвернулся Денис. — А я-то подумал, что он нажрался. А веселья, оказывается, не будет.

— Лена сказала, что вам нужно передвинуть какой-то шкаф, — надрывно пропыхтел снизу Дима. — Дай размяться — сделаем.

Ленка закатила глаза, отодвинулась на пару шагов, но далеко не ушла. Дима ей понравился и, понятное дело, пытался продемонстрировать свои физические возможности. Ее же сила состояла в другом — в умении сделать равнодушное лицо, тщательно скрыв радость от намека на новые отношения.

— Актер, — негромко произнесла она. — Если бы я знала, что ты решишь устроить концерт, то вообще бы ничего тебе не сказала.

— Ты серьезно поможешь? — наклонился над Димой Денис.

Дима рывком вскочил на ноги и с удивлением обнаружил, что за ним наблюдают все, кто был в комнате.

— Да не пьяный я, — раздраженно протянул он. — Действительно разминаюсь вот так, если нужно заняться физической работой. Я же в качалку... Ладно, проехали, — обреченно махнул он рукой.

— Пойдем, покажу шкафчик, — хлопнул его по плечу Денис. — Он в другой комнате.

На этот шкаф ни Катя, ни Денис, ни Валентина Петровна особого внимания не обратили. Крепкий, из массива красного дерева, с тонкой резьбой по краям каждой из дверей, стоял он себе на высоких изогнутых ножках сразу за дверью в спальне Раисы Марковны. Когда кто-то заходил в комнату, то дверь закрывала шкаф от посторонних взглядов, потому-то его сразу и не заметили. Но позже, уже после смены места жительства,

44 Кате пришлось основательно в нем покопаться и обнаружить, что на полках внутри ничего особенного и нет. Здесь Раиса Марковна хранила пустые стеклянные банки, которые Денис в тот же вечер вынес за дверь. После этого он попытался передвинуть шкаф ближе к окну, но неожиданно обнаружилось, что одному сделать это не так-то и просто — шкаф оказался непомерно тяжелым, а ножки прочертили на паркете кривые темные царапины. Позже, во время одной из обзорных экскурсий, их заметила та самая Ленка, а после, стоя на балконе с Димой, обронила, что он мог бы принести пользу хозяевам дома — он ведь не только красивый, но и сильный? Разумеется, это была игра, которую женщина нередко затевает с мужчиной, на которого положила глаз, но практически любой мужик после подобного намека бросился бы демонстрировать свои таланты. Что, собственно, и случилось с подвыпившим Димкой.

Дима положил руку на стенку шкафа и слегка надавил.

— Я думал, что это краска, — удивился он, приглядевшись.

— Нет, это красное дерево, а сверху лак, — пояснила Катя.

— Ты понимаешь, я пытался, но одному никак, — поморщился Денис. — Глянь на пол — следы остались, а ведь я его всего-то на немного отодвинул.

— Приподнимем? — предложил Дима.

— Но ты имей в виду, что он только с виду легкий. На самом деле он зверски много весит, — предупредил Денис.

— Что-нибудь придумаем...

45

Дима заглянул в зазор между стеной и шкафом. Лицо его тут же озарилось улыбкой.

— Так вот почему у тебя не получилось, — понял он. — Задняя стенка отошла, уперлась в стену и не пускает.

— Да ты что! — заволновалась Катя, отпихивая Диму в сторону. — Сломали? Как же так?

— Тогда вот что, — решил Денис. — Отодвинем от стены, чтобы я смог пролезть. Закреплю стенку — и вернем шкаф обратно. Не буду я сегодня ничего двигать.

— Ну ладно, — согласился Дима. — Погнали.

Парни обхватили шкаф по бокам и, тяжело дыша, сдвинули шкаф с мертвой точки. Катя тут же нырнула в образовавшийся между ним и стеной проем.

— Ребят, тут что-то есть, — раздался ее глухой голос.

— Ты о чем? — не понял Денис.

В руке Катя держала небольшой газетный сверток. Ленка оказалась рядом первой.

— Дай-ка.

Она развернула сверток. На пол со стуком выпала серая тряпка.

— Это что там такое? — не понял Денис.

Катя нагнулась и взяла тряпку в руки. Расправила, встряхнула. Тряпица оказалась небольшого размера и квадратной формы, с трех сторон обшитая блекло-серого цвета кругляшками, одни были гладкими и побольше размером, а другие мельче и какие-то кривые. Некоторые шарики практически болтались на ветхих нитках.

— Фигня какая-то, — пробормотал Дима.

46 — Нет, не фигня, — строго ответила Ленка. — Это шелк. Настоящий шелк. А вот эти бомбошки очень напоминают жемчуг.

— Жемчуг выглядит совсем не так, — возразил Денис.

— Это ты настоящий жемчуг не видел, — поправила его Катя. — Эта тряпка может быть чем угодно. Похожа на часть чего-то более... — она запнулась, — целого. Например, на деталь. На карман, который оторвали от платья.

— На очень древний носовой платок, — прошептала Ленка и поднесла тряпку к носу.

— Совсем уже, что ли? — Денис выхватил тряпку из ее рук. — Она же грязная.

Он наклонился и поднял с пола газету, которую уронила Катя. Развернул, перевернул и приоткрыл от удивления рот.

— Твою ж дивизию, народ. Гляньте на дату!

— Четвертое декабря тыща девятьсот семнадцатого, — прочел Дима. — Офигеть, больше ста лет газетке. А как она называется-то?

— Не вижу. — Денис покрутил газетный обрывок в руках. — Только дата — и та чудом сохранилась, а название оторвано.

— А откуда эта штука вывалилась-то хоть? — задумчиво пробормотала Ленка и протиснулась между задней стенкой шкафа и стеной комнаты. — Сейчас поищу, ребят. Тут можно посмотреть... минутку...

Буквально через минуту она вышла из укрытия.

— Кажется, там больше ничего нет. Газетный сверток был спрятан как раз за задней стенкой. Она отвалилась — он выпал. Там теперь пусто.

Если полезете туда, то аккуратнее — я обо что-то поцарапалась. Слушайте, а ведь это может быть ценная находка... 47

— Тоже так думаю, — согласился с ней Дима, поднял руку и снял паутину с ее волос. — Ребят, это надо обмыть. Но другим я бы ничего не говорил. Просто... зачем?

— Да, не нужно, — кивнула Катя.

Дима вышел из комнаты и увел Ленку за собой. Катя и Денис остались одни. Денис держал в руке кусок газеты, изданной более века назад, а Катя осторожно пыталась расправить по ладони легкую ткань, но она то и дело норовила снова упасть, потому что висюльки нарушали ее равновесие.

— Потом все внимательно рассмотрим, — решила Катя. — Но как все странно, да?

— Шкаф сломал, — нахмурился Денис. — Взял и сломал, дурак.

— А Дима завершил процесс, — улыбнулась Катя. — Денис, а если это настоящее сокровище? Ценное и редкое?

— Не думаю, Катя. Но, если хочешь, мы это выясним. В любом случае интересно же, да?

Последние гости засиделись допоздна. Усталые, но счастливые хозяева и не ожидали, что у них все получится.

В конце концов в квартире остались четверо: Дима и Ленка никак не могли решить, куда им двигаться дальше. Оба, как выяснилось в процессе общения, никогда не ложились рано спать и любили опрокинуть по пивку в каком-нибудь ночном заведении.

48 — Нашли друг друга, — шепнула Катя Денису.

— И слава богу, — закатил глаза Денис.

— Давай-ка сделаем кофе, — предложила Катя. — Тогда они сразу уйдут, потому что пить кофе в конце праздника всегда скучно. А еще это откровенный намек на то, что дверь вон в той стороне.

— Ты очень злая женщина, — поморщился Денис. — Но идея отличная.

Они оба устали, и хоть присутствие новоиспеченной парочки их нисколько не напрягало, им все же хотелось поскорее остаться одним. Прошедший день был трудным, а обнаруженный в старом шкафу тайник будоражил воображение.

Кофе сработал. Ленка вежливо отказалась, Димка демонстративно взглянул на часы, и через пять минут Катя и Денис остались одни.

— Поработаю пять минут, пока ты душ примешь, — подумав, решил Денис.

Но после душа Катю уже не держали ноги, а Денис передумал работать и одетым рухнул на кровать.

Тряпочка, обшитая камушками, напоминавшими жемчуг, так и осталась лежать на полке в старом шкафу.

Утром следующего дня навестить погулявших приехала Валентина Петровна. Предварительно сообщать о своем визите она не стала, как и оставаться в гостях надолго — везла им литровую банку горохового супа, сваренного накануне, и пирожки с капустой. После переезда дочери она редко готовила что-то капитальное только для

себя, а тут вдруг собралась и сделала все сразу, предполагая, что после застолья в холодильнике у молодых с едой будет полный порядок. 49

Погостить у дочери Валентина Петровна рассчитывала час, не более, после чего ей нужно было успеть на работу. Зная, что дочь всегда просыпается рано, она не волновалась насчет того, что ее разбудит. Но дежурный телефонный звонок все-таки сделала, уже стоя возле подъезда.

— Ничего не случилось? — испуганно спросила Катя у матери.

— Ничего, — успокоила ее Валентина Петровна. — Я спонтанно к вам собралась. Откроешь?

— Код набирай, мама. Два восемь и две четверки.

Валентина Петровна послушно набрала код. Домофон издал протяжный тонкий свист, в замке что-то щелкнуло, и женщина, потянув на себя дверь, очутилась в темном затхлом предбаннике, приглашающем ее подняться по ступеням к лифту.

Принесенной еде Катя очень обрадовалась и тут же схомячила пару пирожков, запивая их чаем. Матери она предложила кофе и, пока кофеварка шипела, шкворчала и вздыхала на подоконнике, то и дело прислушивалась к чему-то. Валентина Петровна поняла, что если появится Денис, то им обоим придется испытать некоторую неловкость.

— Я скоро уйду, — предупредила она дочь. — Может, даже сейчас и пойду.

— А кофе? — строго посмотрела на нее Катя и вдруг прочитала материнские мысли. — Ты что, боишься Дениса разбудить?

50 — Не боюсь, — соврала Валентина Петровна. — Говорю же: на минуту забежала.

— Денис сегодня долго валяться будет. Вчера хорошо погуляли.

— Правда?

— Ну да. И народ был хорошо знакомый, и никто не напился.

Маму Кати на новоселье тоже пригласили, но она благоразумно отказалась. Она всю жизнь провела с дочерью в одних стенах, но когда Катя съехала, неожиданно для самой себя испытала что-то вроде облегчения. До этого ей казалось, что она завоет от одиночества, лишившись присутствия единственной дочери, но, как ни странно, ничего подобного не произошло. И вчера присоединяться к чужой компании Валентина Петровна не стала. С чего бы? Что ей там делать?

— Суп точно есть будете? — спросила она, наблюдая за тем, как Катя наливает кофе в большую кружку из прозрачного стекла. — А то могу на работу унести.

— Съедим.

— Ну смотри.

Валентина Петровна могла бы и не произносить все эти ничего не значащие фразы, однако просто молчать не получалось. Прошли те времена, когда они с дочкой могли часами не разговаривать друг с другом, но при этом заниматься своими делами. Это никого из них не напрягало, просто обе были заняты, вот и все. Однако в чужом доме Валентину Петровну так и распирало.

— Ты похудела, — заметила она, бросив быстрый взгляд на дочь, закутанную в огромный зеленый халат.

— Нет, мам, не похудела, не мечтай, — 51
хохотнула Катя.

— Одни кости остались.

— Перестань.

— Уколоться можно, — парировала Валентина Петровна.

— Ага.

Пирожки Катя выложила на стол и таскала их из пакета один за другим, и Валентина Петровна испытала прилив гордости за себя. За то, что вчера не поленилась и испекла, а сегодня опять не поленилась, вскочила пораньше и поехала совсем в другую от работы сторону, чтобы с утра порадовать дочь, а заодно показать Денису, что теща у него не пустое место, а вещь нужная и полезная. Пусть ценит.

— Ма-ать, я же совсем забыла! — пропела Катя. — Сейчас покажу!

Она слетела с табуретки и выбежала из кухни. Валентина Петровна взглянула на часы и убедилась, что никуда не опаздывает.

Вернувшаяся Катя положила на стол драный газетный лист и старую грязную тряпку.

— Это что такое? — Валентина Петровна тронула пальцем газету. — Кать, вы же потом хлеб на этот стол класть будете! Ну что ты делаешь?

— Мы с тарелок едим, — напомнила дочь. — Рассмотрй. Мне интересно твое мнение.

Валентина Петровна сначала взяла в руки газету. Сначала двумя пальцами и с брезгливостью, а потом с удивлением и интересом попыталась расправить ее ладонями по поверхности стола.

— Дату видишь? — восторженно прошептала Катя.

52 — Это что-то очень древнее.

— А это тебе как?

Катя взяла в руки тряпицу.

Валентина Петровна отодвинула ее подальше от лица — зрение у нее падало уже давно, издали было лучше видно.

— Шелк. Однозначно, — заявила она.

— С жемчугом, — подсказала Катя.

— Да откуда тут жемчуг-то...

— Он тяжеленький, — подсказала Катя. — Поодиночке каждый камушек легкий, а вместе он такой весомый, да?

— Увесистый, — поправила Валентина Петровна. — Откуда это?

— Тайник в шкафу нашли.

— Чего?

— Старый шкаф из красного дерева. За задней стенкой был сверток из этой газеты, а в нем эта тряпка.

— И что это за тряпка?

Катя победоносно взглянула на мать.

— Носовой платок средневековый. Может быть, даже очень древний. Я сегодня утром немало посидела в интернете и нашла похожие.

— Их продают, что ли? — взглянула на дочь Валентина Петровна.

— На аукционах, мам. И такие же есть в музеях. Жемчуг был доступен представителям высших слоев общества — и никому больше. То есть именно этот когда-то принадлежал кому-то знатному.

— А что за пятна на нем? — присмотрелась Валентина Петровна.

— Где? — заволновалась Катя.

— Он несвежий. Никто не знает, где он валялся. И что с ним делали, интересно? Принадлежал знати... Боже, Катя. Тогда на нем должен быть какой-то знак, тоже вышитый. Здесь же ничего нет.

Катя отняла у матери платочек и поднесла к свету.

— Не факт, что должен быть знак, — пробормотала она. — На тех платках, которые я видела в интернете, тоже не было знаков.

Она вдруг очень расстроилась. И даже не на то, что платок действительно был не помечен, а на то, что Валентина Петровна одним своим словом уничтожила что-то новое, таинственное и мистическое, от чего у Кати плясали в груди солнечные зайчики. И хотя мать никогда не давила на нее психологически и всегда в нее верила, Катя вдруг ощутила сильную усталость, будто бы ее жестоко обманули.

И Валентина Петровна увидела это. Она протянула руку в Катину сторону:

— Дай-ка.

Катя молча протянула ей платок.

— И газету.

— Зачем?

— Давай, давай.

Валентина Петровна достала из сумки мятый пластиковый пакет и упаковала туда находку.

— Возму на работу, — решительно произнесла она. — Есть у меня одна идея...

Валентина Петровна скрывала от дочери тот факт, что после ее переезда начала курить. Не считала нужным признаваться в этом и старалась

54 покупать сигареты как можно реже, чтобы не привыкнуть. Но, как это часто бывает, сразу же проиграла самой себе.

Отпустив последнего пациента, она набрала знакомый номер, сказала в трубку пару слов, после чего взяла пачку сигарет и отправилась в курилку, устроенную сотрудниками на заднем дворе здания поликлиники.

Там ее уже ждали. Высокий мужчина средних лет в белом халате вежливо поздоровался и вытянул из пачки предложенную сигарету.

— Виталий Игоревич, а вам точно можно? — закурив, начала Валентина Петровна.

— Держусь пока, но иногда позволяю себе срывы, — озабоченно ответил Виталий Игоревич. — Да и пациенты совсем озверевшие пошли. Сегодня, только представьте, мужик на прием пришел вместе с женой. К проктологу. С женой. Выгнать я ее не смог, так как она мне слова сказать не давала, а муж и подавно не встречал.

— И как разрешилось?

— Смешно вышло: заглянул кто-то из очереди, и оказалось, что это его знакомая. Ну, жена пациента сразу в краску, а потом резко замолчала и наконец-то вышла в коридор. Так что... А вы зачем меня позвали?

— Ах да. Помните, вы рассказывали, что у вас наблюдается какой-то ювелир? — выпалила Валентина Петровна.

— Ювелир? — недоуменно протянул Виталий Игоревич. — Не припоминаю. Может, антиквар?

— Может быть, — смутилась Валентина Петровна.

— Ну, есть такой.

— Нужна его консультация, — вы- 55
палила Валентина Петровна, которая,
прежде чем попросить лишнюю картофелину
у соседки, полчаса выдумывала серьезную при-
чину, по которой она вынуждена одалживать
еду. — Не мне — дочке.

— И только-то? — усмехнулся Виталий Иго-
ревич. — Его телефонный номер в карте, я вам
хоть сейчас могу его дать.

— А он не будет против?

— Против? Нет, Валентина Петровна. Я ему
бесплатную консультацию на кафедре устроил.
Он и сам тогда сказал, что будет обязан. Думаю,
что против он не будет. Но имейте в виду, пожа-
луйста, что тип он несколько скользкий.

— То есть лучше с ним дел не иметь? — уточ-
нила Валентина Петровна.

— Почему? Иметь-то можно, но лично я бы
на всякий случай имел под рукой Уголовный ко-
декс. Понимаете ли, нет в его образе некоей ста-
бильности, что ли. Не выглядит солидным. Но
я могу и ошибаться.

— Опа, — выдохнула Валентина Петровна. —
Страшновато как-то.

— Да шучу я, — широко улыбнулся Виталий
Игоревич. — Он не преступник и, кажется, даже
не привлекался. Но если речь идет о чем-то доро-
гом вашему сердцу, то нужно было осторожным.
Именно это я и хотел сказать.

— Да ну вас к черту, коллега! — в сердцах бро-
сила Валентина Петровна.

— Посылайте куда хотите, — по-дружески
приобнял ее за плечи Виталий Игоревич. — За то,
что с пониманием относитесь к тому, что я в ко-

56 торый раз пытаюсь бросить курить, готов вытерпеть от вас все, что угодно. Контакты антиквара перешлю по эсэмэс. Зовут моего пациента Эдуард Кумарчи. Фамилия произносится с ударением на последний слог. Интересное имя, не находите? Запоминается сразу и на всю жизнь.

Глава 3

В жилах Эдика Кумарчи текла адская смесь. Мать наградила его чистой еврейской кровью, а папаша, в свою очередь, добавил крепкую греческую. Оба родителя были настоящими красавцами, и стоило ожидать, что сын, родившийся у этой очень внешне интересной пары, должен был получиться таким же.

Эдик не подвел, явившись на свет самым настоящим метисом, внешность которого привлекала внимание каждого, кто его видел. Первой была акушерка, принимавшая роды у матери Эдика.

— Какой милый уголек! — с умилением обозначила она, опуская в руки уставшей роженицы маленький сверток. — Очень на вас похож.

— Это вы еще нашего папу не видели, — улыбнулась та. — Вот где стопроцентное сходство...

— А я вот не пойму, — осмелела акушерка, — какая у вас национальность?

— Мои предки из Иерусалима, а отец ребенка родом из Колхиды.

— Колхида, Колхида... — забормотала акушерка, пытаясь вспомнить то, о чем, возможно, даже не знала.

— Вы ведь не слышали о таком месте? — улыбнулась мама Эдика. — Колхидой раньше называли Грузию. Но про Золотое руно вы ведь знаете?

— Нет, — призналась акушерка, напряженно наблюдая за неумелыми действиями женщины, которая пыталась впервые в жизни приложить младенца к своей груди. — Подождите, я помогу. Ладонку свою вот так вот поставьте... Руно и Колхида, говорите? Да я просто забыла. А теперь головку ребенка прижимайте. Не бойтесь, не бойтесь. Все правильно...

Эдик рос в любви и заботе. И того и другого, пожалуй, даже было в избытке. Для родителей он был поздним ребенком: на момент зачатия матери было хорошо за тридцать, а отцу и вовсе около пятидесяти. У четы Кумарчи он был первенцем и, как позже выяснилось, так и остался единственным ребенком в семье, потому над ним тряслись, как над аленьким цветочком. В младенчестве за ним приглядывали не только мать с отцом, а также две родные бабушки, а позже, когда он крепко встал на ножки, к делу подключилась суровая няня Вера. Но на самом деле Эдик вообще никому не доставлял хлопот. Он редко болел, почти не плакал и даже колики в животе его никогда не мучили. Все у него случилось в прописанные природой сроки: на горшок он попросился сам, пополз и пошел по установленным педиатрами всего мира предписаниям, а та любая еда, которую ему предлагали, исчезала с тарелки без единого каприза со стороны того, кто ее уничтожал.

В детском саду малыш Эдик был всеобщим любимцем, ровно как и в школе. Ему легко да-

58 валась учеба, он без труда обретал друзей, а девчонки, когда пришло время, обратили на него внимания все и сразу. Трудный возраст он преодолел без сучка и задоринки — ни одной ссоры с родителями, ни одного протеста за этот промежуток времени не случилось.

Эдик словно был окутан каким-то защитным коконом, который не позволял ему ни волноваться, ни возмущаться, ни повышать голос. За три месяца каникул он превратился из смазливового подростка в статного и серьезного молодого человека, причем красотой своей не кичился, потому что никогда не считал привлекательный внешний вид достоинством. Ни у себя, ни у кого-либо еще.

Все оборвалось в его восемнадцатый день рождения. Родители, возвращавшиеся с дачи на машине, дома так и не появились.

Проводив подвыпивших друзей и убрав со стола остатки вкусного праздника и пустые винные бутылки, Эдик решил прогуляться, чтобы встретить машину с родными возле подъезда. Проторчав на улице до темноты, он вернулся домой в некотором недоумении, после чего закурил и вышел на балкон, решив караулить там. Подъехавшая к дому иномарка выглядела очень странно, а звонок в квартиру прозвучал не как обычно, а как сигнал тревоги. На часах в тот момент была половина второго ночи.

Дальнейшее Эдик много раз пытался стереть из своей памяти, но, как водится, ни черта не сумел. Он сидел за столом, а стоявший посреди комнаты немолодой мужчина в сером свитере рассказывал ему страшную историю о том, что

чета Кумарчи на самом деле являлась преступниками, сбежавшими из страны. 59

Именно отец Эдика, известный ювелир, все эти годы торговал крадеными предметами старины, которые ему поставляли квартирные воры и прочие нечистые на руку жители столицы. А мама Эдика, стоматолог со стажем, оказывается, помогала супругу, сводя мужа с нужными людьми.

— Они что, были членами банды? — спросил Эдик.

— Получается, что так, сынок, — грустно ответил мужчина. — А ты ничего не знал?

— О чем я должен был знать?

Эдику крупно повезло, что в тот момент он уже окончил школу и имел на руках аттестат о среднем образовании. Только поэтому ему не пришлось общаться с органами опеки и он не лишился квартиры.

Позже, когда позади были часы допросов и обысков и долгие бессонные ночи в доме, наполненном тяжелой тишиной и плотным туманом сигаретного дыма, он восстановил картину случившегося и все понял. Его бросили. Без денег, без объяснений. Совсем одного.

На тот момент из родни у Эдика, кроме предавших его родителей, никого в живых уже не осталось. Но была подруга. Именно подруга из числа бывших одноклассников, которая, узнав всю правду, не отвернулась от Эдика, а переехала к нему, чтобы быть рядом. Ни она, ни он не были влюблены друг в друга, что оказалось очень кстати — им не пришлось забивать головы еще и этой фигней.

60 В то черное лето Эдик понял, что дружба намного выгоднее любви. Она больнее лечит, но ясность ума сохраняется полностью.

Родители сбежали в Израиль, а перед этим их в последний раз видели в аэропорту «Домодедово». На связь с Эдиком они не выходили со дня его рождения, и это ранило его сильнее всего остального, с чем пришлось столкнуться.

Из квартиры тогда конфисковали все самое ценное. Вынесли старинную мебель, пару икон, очень много старинных фолиантов. Не погнушались даже тонкой золотой цепочкой, которую Эдику подарила мать на пятнадцатилетие. Она тоже оказалась краденной. Впрочем, он отдал ее сразу и без лишних уговоров со стороны полиции — с тела прочь, из сердца вон.

Об институте пришлось забыть. Эдик устроился продавцом в мебельный магазин, где неожиданно для самого себя сообразил, что неплохо разбирается в дизайне. Красавец продавец-консультант легко уговаривал покупателей на серьезные траты, оставляя на клочке бумаги наброски плана их квартиры в будущем — если они, конечно, решат приобрести это кресло стоимостью триста тысяч рублей или вон ту тумбочку за пятьдесят тысяч.

— Вы не пожалеете, — с томной ноткой в голосе произносил он, опуская при этом длинные черные ресницы, уговаривая и гипнотизируя одновременно. — Если что-то пойдет не так, то вернуть товар всегда можно. Но мне кажется, что это будет не ваша история.

Начальству все это не понравилось, несмотря на то что некоторые клиенты, заходя в мага-

зин, уже искали только Эдика, игнорируя предложения других продавцов помочь и проконсультировать. 61

Почувствовал злую силу и сам Эдик, после чего решил свалить из продаж и уволился одним днем.

Неделю после этого он провел дома, ложась в три ночи, просыпаясь в три часа дня, а в промежутке проводя в интернете кучу времени в поисках нового источника заработка. О получении высшего образования он больше и не мечтал — ему остро были нужны деньги, а учиться, говорят, никогда не поздно.

Свой двадцать восьмой день рождения Эдик справлял один. На дворе стоял одна тысяча девятьсот девяносто восьмой год со всеми перестроечными последствиями. Эдик в тот день собирался хорошенько напиться по такому поводу, как собственное появление на свет.

С утра у него все валилось из рук, как, впрочем, и всегда. Настроение в эту дату он себе поднять даже не пытался — лица родителей так и стояли перед глазами, а в душе жгла костры старая обида.

Уже вечером, в поисках улетевшей при падении под батарею центрального отопления зажигалки, Эдик решил воспользоваться освещенным экраном мобильного телефона, чтобы хоть что-то рассмотреть в темном углу комнаты. Зажигалка обнаружилась сразу, но нашлось кое-что еще: между стеной и батареей тускло блеснуло что-то металлическое. Что-то, о чем Эдик и не знал.

Этим «чем-то» оказалась плоская металлическая коробка из-под швейцарского шоколада размером с ладонь.

62 Вынуть ее оказалось делом непростым, и Эдик использовал для этого гибкую пластиковую линейку, при помощи которой и заставил коробку выдвинуться из укрытия ровно настолько, чтобы ухватиться за нее пальцами.

Такие плоские подарочные упаковки были ему хорошо знакомы. Он помнил их: в детстве ему такие дарили несколько раз, он всегда тут же открывал их и мигом съедал спрятанный под выдвинутой рельефной крышкой шоколад.

С замиранием сердца уже взрослый Эдик сдвинул крышку с места и увидел сложенный в несколько раз тетрадный лист.

Это было письмо от матери, написанное, видимо, незадолго до того, как они с отцом решили бежать из страны. В нем она называла Эдика «сыночком» и объясняла причину их с отцом побега. Страшная тайна, о которой она писала, уже и тайной не была — спасибо тому самому гэбисту, появившемуся на пороге дома семейства Кумарчи в день рождения Эдика. Но теперь с Эдиком «говорила» его мать. Она просила прощения. Она оправдывалась. Она наверняка плакала, когда писала это прощальное письмо.

По ее словам выходило, что незаконным оборотом антиквариата они с отцом стали заниматься вынужденно. В их жизни было все, о чем их сын тогда не знал: долги, угрозы и просьбы, которые они не могли не выполнить.

Причину этих страданий мать озвучила коротко, но очень ясно:

«Именно тогда, когда у тебя есть все, ты почему-то хочешь получить еще больше. Мало кому удастся остановиться. Это и было нашей

ошибкой. Научись вовремя оставаться на 63
месте, сыночек».

Выходило, что мать с отцом запутались и, покидая страну, остались должны многим людям.

«Тебя не тронут, — обещала мать в письме. — Мы позаботимся о том, чтобы они этого не сделали».

Все сложилось. Эдик тут же понял, в чем был смысл их отъезда. Если бы они не сбежали, то сидели бы до конца жизни в тюрьме. И Эдику пришлось бы как-то с этим выживать. Носить на лбу клеймо сына воров. Об этом узнали бы все и везде: в институте, куда он так и не поступил, в его ближайшем окружении, включая соседей и знакомых. Потому родители сбежали, перед этим слив своих преследователей милиции. А там, где есть намек на антиквариат и драгоценные металлы, всегда пасутся «люди в черном». Вот почему Эдика не арестовали и даже не привлекли. Такова была договоренность между родителями и органами внутренних дел. И вот почему к нему никто не явился за тем, чтобы потребовать вернуть долги отца и матери — все, от кого исходила опасность, уже были в наручниках.

Вернув письмо в коробку, Эдик поставил ее на полку книжного шкафа и пошел в магазин. Купил себе несколько бутылок пива и сигареты. Вернулся, сел на стол, поставил перед собой коробку с письмом и стал пить. Только делал он это не стремительно или слепо, а вдумчиво. Теперь его терзало ощущение какой-то незавершенности. Они могли бы взять его с собой, но не взяли. Могли бы как-то проявиться в течение десяти лет, но и этого не случилось. Исчезли. Пропали. Отказались от единственного сына.

64 В тот момент он понял, насколько сильно умеет ненавидеть.

Захмелев, он немного поплакал, всматриваясь в материнский почерк.

Нет, нет. Не могли они его бросить, он никогда в это не верил. Как он мог думать о них плохо? Теперь же все изменилось. Теперь он получил весточку, которая, оказывается, ждала его почти десять лет. Это можно было считать подарком ему на день рождения, разве нет? Подарком от мамы и папы. За батареей милиция по время обысков ничего не искала. Или заранее знала, что там припрятано? Господи, сколько вопросов.

Эдик снова полез за батарею. Ничего. Только пыль. Но ведь должно быть что-то еще. Наверняка есть еще...

Звонок в дверь застал его стоящим на коленях под столом. Открывать он и не подумал, поскольку никого не ждал, но на всякий случай выполз из-за стола и окинул взглядом комнату — ничего, сойдет. Пусть бардак, пусть пустые пивные бутылки на столе и накурено. Его дом — его правила.

В дверь позвонили снова. И сразу же еще раз.

«Трижды, — изумился Эдик. — Кто это может быть?»

Он вышел в коридор и остановился в ожидании. Четвертый раз.

— Сука... — прошептал Эдик и буквально рванулся к двери.

Открывая, специально гремел ключами в замке, чтобы незваный гость заранее пожалел о том, что решился появиться на пороге.

Но на лестничной площадке перед квартирой никого не было. Зато возле лифта, метрах в двух

впереди, стоял немолодой мужчина с поднятой рукой, собравшийся нажать на кнопку вызова лифта. На его плече висела большая черная сумка.

Эдик набычился и уставился на незнакомца, а тот, в свою очередь, удивленно взирал на Эдика.

— А я уже было собрался уходить, — пояснил мужик и убрал палец с кнопки. — Думал, что...

— Насрать мне на то, что вы там думали, — оборвал его Эдик. — Что вам нужно?

Мужчина медленно стал приближаться. При этом вид у него был весьма виноватым. Он остановился на расстоянии вытянутой руки от дверного проема и перебросил сумку вперед, на живот.

— Меня зовут Мигунов Михаил Иванович, — представился он и внимательно всмотрелся в лицо Эдика. — Боже мой, да ты вылитая мать... Кто бы мог подумать... Ты меня, наверное, уже и не вспомнишь, Эдуард. Я давний друг твоих родителей. Могу я зайти?

Эдик сразу понял, что Мигунов не врет — по квартире он передвигался уверенно, будто бы уже бывал здесь раньше. Увидев на столе пустые пивные бутылки, тяжело вздохнул, покачал головой и поставил рядом с ними свою сумку. Вынул из нее бутылку красного вина и пакет с желтой черешней.

— Чем богаты, как говорится, — едва заметно улыбнулся он. — А вот курить в квартире не стоило бы. На улице, кстати, такая приятная погода! Провеетрив?

Эдику захотелось дать Мигунову пару советов касательно правил поведения в гостях, но вместо этого он вдруг решил прислушаться к рекоменда-

66 ции. Отворил балконную дверь, впус­тив в комнату шум вечерней жизни родного города, и тут же демонстративно закурил.

— Вот и славно, — теперь уже широко улыб­нулся Мигунов и полез в сумку. — Надеюсь, с ви­ном я не прогадал.

— Что вам нужно? — вспомнил Эдик.

Мигунов оставил сумку в покое, сел за стол и сложил руки на груди.

— Ты меня, наверное, не вспомнишь. Я бы­вал тут раза три или четыре. Я дружил с твоими родителями.

Эдик и бровью не повел.

— Дружили, говорите? — прищурился Эдик. — Хорошим, видно, были другом, если они всего три раза вас пригласили. Или сколько там — четыре?

Мигунов не обиделся.

— Приглашали часто, но я не имел возмож­ности бывать тут постоянно.

— Теперь уже и не проверишь, — обронил Эдик.

— Верно, — согласился Мигунов. — Давай сразу к делу. Вижу, что ты мне не очень рад. Оно и понятно в принципе.

— Давайте к делу, — согласился Эдик.

— Мамино письмо, смотрю, уже нашел.

Эдик подобрался. Коробка из-под шоколада лежала в самом центре стола. Мигунов смотрел на нее, не отводя взгляд, и словно что-то обдумывал.

— Скажу сразу, Эдуард, что тебя никто не бросал. Побег родителей был вынужденным. Мама обещала все тебе объяснить в письме.

— Она объяснила, — ответил на это Эдик. — Объяснила. А вам я почему должен верить?

— А кому ж еще? — удивился Мигунов. — Я за тобой следил. Больше ведь некому. Родных у тебя не осталось, так что...

— Они... живы? — сдался Эдик и медленно подошел к противоположной стороне стола. — Где они? Десять лет... ни слова...

— Их нет в живых уже десять лет, — спокойным тоном произнес Мигунов. — Мне горько сообщать тебе это, но ты должен знать. Впрочем, я и сам знаю далеко не все, но этого, мне кажется, достаточно.

Эдик упал на стул, закрыл глаза и изо всех сил стиснул зубы. Не плакать. Не ныть. Нельзя перед этим не пойми откуда взявшимся «другом семьи» быть тем, кто ты есть. Надо, чтобы он видел, что Эдик вырос в сильного и жесткого мужика.

Мигунов же со вздохом снова полез в сумку, вытащил из нее тонкую пластиковую папку на резиночках, цепляющихся за углы. Таким образом папка надежно хранила то, что в ней было спрятано.

— На.

Он подтолкнул папку в сторону Эдика. Она не доехала до него по столу совсем чуть-чуть.

— Дарственная на антикварный магазин, — прокомментировал Мигунов. — Скажи-ка, парень, а чистый стакан у тебя найдется?

Эдик не шелохнулся. Тогда Мигунов, не переставая вздыхать, встал и сам пошел на кухню. Он бывал в этом доме и раньше и помнил, что стаканы мать Эдика держала на верхней полке кухонного шкафчика.

Вино помогло Эдику прийти в себя. Мигунова он выслушал внимательно, никаких вопросов не

68 задавал, потому что если они и возникали, то Мигунов, словно читая мысли Эдика, тут же и отвечал на каждый из них.

— Я именно этого и боялся: что ты, дружок, встретишь меня с дубиной наперевес. Потому готовился к визиту основательно. На самом деле я хотел прийти раньше, но понимал, что еще не время, — сказал он, качая стакан с вином в ладонях. — Спасибо тебе за то, что не выгнал и не сорвался на мне.

Эдику вино не понравилось. Вместо него он решил вернуться к пиву. Опьянение от раньше выпитого уже прошло плюс наложился стресс от визита Мигунова и от его сказочного подарка.

— С твоим папой я познакомился на выставке картин молодых художников. Ее проводили в самой обычной, но очень большой квартире. Где-то в районе станции метро «Серпуховская», если не путаю. Такие сборища частенько устраивались раньше, люди там знакомились и приобретали предметы искусства. Вот там мы с твоим отцом и нашли друг друга. Я сам живописью увлекаюсь давно, но кисть в руках держать не умею. Потому — поклонник до мозга костей.

— Поклонник кистей, — внезапно для себя улыбнулся Эдик.

— Точно! — хохотнул Мигунов. — С юмором дружишь, это очень хорошо. Ну, если глубоко не погружаться, то скажу проще: твой отец предложил мне работу. Я должен был давать предварительную оценку каждой картине, которую ему приносили. Ты же уже в курсе, кто именно это делал?

— Кто приносил-то? — уточнил Эдик. — Ага, в курсе. Воры в законе, да?

Спросил он с издевкой в голосе, но Мигунова это совершенно не задело. 69

— Именно так, — спокойно ответил он. — Твой папа решил, что из меня получится отличный консультант. Я ведь действительно... могу. Одаренный самоучка или эксперт по наитию — вот именно так я бы сам себя охарактеризовал. О том, что твой отец тесно сотрудничает с бандитами, я понял не сразу. Он сам не говорил, и теперь я его очень хорошо понимаю. Он был очень внимательным к мелочам, и, чтобы во что-то поверить, ему необходимо было проверить все самому. С годами он превратился в подозрительного неврастеника, но что касалось его отношений с твоей мамой, то они оставались теплыми до самого конца.

— Как они умерли? — прервал его Эдик.

— Банально, — тут же ответил Мигунов. — Машина, на которой они ехали из аэропорта, перевернулась на трассе.

— Как вы узнали об этом?

— Из новостей. На одном из фото я увидел дорожную сумку, вылетевшую из багажника такси. Точь-в-точь такая же была у твоей мамы.

— Таких сумок в целом мире найдется миллиард! — выкрикнул Эдик. — Вы меня за идиота держите, да?

— Эту сумку ей сшила моя жена, которой тоже уже нет на свете, — произнес Мигунов. — Золотые руки были у моей Веры. Обшивала актеров и целые семьи послов и дипломатов. Вещи получались неповторимыми. Работала не только с одеждой, а могла сшить гардины, например. Работала со всеми материалами, которые только можно было использовать. Ту сумку, которую я увидел на фото,

70 я ни с чем не перепутаю. Не забывай, дружок, что твой отец не просто так работал со мной. Мелочи — вот ключ ко всему. Детали, штрихи, миллионы оттенков. Остальное — чушь, канва, нечто усредненное или среднее арифметическое, если хочешь. Да и погибших было всего двое. Семейная пара туристов, муж и жена. Ехали из Тель-Авива, из аэропорта Бен-Гурион в сторону Иерусалима. А в Иерусалиме, насколько я знаю, у твоей мамы имелась какая-то дальняя родня. Черт, там и ехать-то всего ничего было...

В голове Эдика снова произошло обрушение выстроенной им самим картины. Погибли. Умерли. Значит, зря думал о них плохо? Или не зря? Уехали-то молча, ни слова не сказав.

К черту сожаления, тряпка. Он помнил утро того дня, когда видел их в последний раз. Мама деловито собиралась на дачу, складывала какие-то вещи в сумки, бегала по квартире, покрикивала на отца, нервничала. Ничего странного Эдик в этом не увидел, она часто так себя вела, если предстояло вот-вот встретить гостей или отправить отца одного на дачу. Все у нее было в последний момент, все не так. Все ей мешали. Но никакой приметной сумки Эдик вспомнить не мог. Просто не до того было, ведь к вечеру ждал гостей на свой день рождения...

— У тебя еще остались вопросы? — услышал он виноватый голос Мигунова. — Черт побери, конечно, остались. Предупреждаю сразу, что отвечу не на все, но ты зла на меня не держи, слышишь? И на маму с папой тоже. Не надо.

— Их убрали, — поднял голову Эдик. — Их убрали! Я только что это понял. От них избави-

лись. Кому они помешали? Это те, на кого они работали, да? Их убили те самые бандиты, которые приносили ему ворованные пейзажи? 71

Они с Мигуновым встретились взглядами, и Эдик с ужасом понял, что у того также были похожие мысли.

— Они работали и на тех, и на тех, — понизил голос Мигунов. — Мой тебе совет — не лезь в прошлое. Если они оставили тебя одного, не предупредив, значит, так было нужно.

— Кому было нужно? — выкрикнул Эдик.

— Значит, так было нужно... — пробормотал Мигунов, посмотрев на часы.

— А вы почему, если дружили с ними, все эти годы не показывали своего носа? — Эдик смотрел на Мигунова с явной ненавистью. — Десять лет я тут был один, а потом появляется щедрый даритель со словами о том, что он был в хороших отношениях с моими родными. И дарит мне магазин! Мне! Охренеть можно! Думаете, руки целовать стану?

Эдик почти кричал, и будь он по-настоящему жестким, то вытолкал бы взашей этого типа, предварительно запихнув в его глотку ту самую папку с дарственной. Но Эдик не мог этого сделать — его обида была слабее желания узнать о том, что его мучило долгие годы. И потом, не каждый день ему дарили антикварные магазины. Почему именно ему и почему именно сейчас? Он хотел знать об всем.

И снова Мигунов «прочитал» состояние Эдика. Уловил его настрой, едва взглянув и тут же отметив про себя, что угрозы для жизни нет ника-

72 кой. Разумеется, из парня фонтаном били эмоции, усиленные осознанием свалившейся на него правды, но тут уж Мигунов ничего поделаться не мог. Он, если честно, даже и приходить сюда не хотел, а теперь уже сто раз пожалел, что не отправил к Эдику знакомого нотариуса с этой самой чертовой дарственной.

— Тебе было сложно, я это понимаю, — примирительно сказал Мигунов. — За эти десять лет и в твоей жизни, и в стране произошли существенные изменения. Вместо милиции теперь полиция, например. И история с твоими родными уже отправлена в архивы, куда далеко не всех пустят. Поэтому еще раз: забудь о какой-то мести, о поиске правды. Я и сам не знаю всего, а ты вон уже какие-то выводы сделал. А что касается магазина, так это я тебе не свое отдаю. Твой отец мечтал заниматься антиквариатом на официальной основе, подыскивал помещение, собирал информацию, обрастал знакомыми. Вот они-то и замотали его в свою паутину. Он был настоящим собирателем, мог на глаз отличить подделку от оригинала, но ему все то, что он добывал, просто негде было складывать. Я помог, отдав под его богатства отдельную комнату в квартире своей тогда еще живой матери. После ее смерти квартира отошла мне, и вот тогда твой папа разошелся не на шутку, скупая все, что только мог. Даже твоя мать называла его безумцем. Когда они пропали, я сразу просек, что дело нечисто. К тебе не сунулся, потому что, прости, дружок, было не до того — я спасал свою шкуру и репутацию. Меня вызывали на Лубянку, рассказывали об обысках в этом доме и спрашивали о местах, где мой друг

Кумарчи мог бы хранить свою коллекцию. 73

О, я догадался, что они не знают о комнате в Медведкове, которая вся была завалена статуэтками, подсвечниками и коробками со всяким старьем, которое твой отец ласково называл «мои винтажики».

— Все эти вещи были ворованные? — Эдик исподлобья взглянул на Мигунова. — То есть кто-то грабил людей и обчищал их квартиры, а мой отец после любовался награбленным?

— Ну нет, что ты! Он оставлял себе только то, что не годилось на продажу. Только то, чем люди пользуются до сих пор. Кое-какая мелкая мебель, шкапулки, подсвечники, посуда. Ширпотреб. А вот потом, когда вошел во вкус, то принялся приобретать действительно уникальные вещи. Не у преступников! — предупреждающе поднял он палец. — Он покупал их у коллекционеров или искал объявления о продаже. Иногда участвовал в квартирных аукционах, которые иногда проводили родственники умерших пожилых людей. Не рисуй в воображении образ барыги со сладострастной улыбкой на лице. Все было не так.

— Почему эти твари выбрали его в качестве покупателя? — прошептал Эдик.

— Твой отец был излишне доверчивым, — ответил Мигунов. — Осторожничал не там, где нужно. А твоя мама далеко не всегда могла быть рядом. Она была, знаешь, как сенсор в отношении людей и всего остального.

— Господи.

Эдик опустил голову на грудь, вцепился пальцами в колени и сразу же отпустил их — импульсивное желание сделать кому-то больно, да хотя

74 бы себе, потому что очень болело внутри, давило на диафрагму. Он уже не ненавидел, но легче от этого не становилось.

— После новостей о ДТП я понял, что вся коллекция твоего отца теперь принадлежит... никому. Не мне, понимаешь? Скорее государству, но и тут у меня возникли некоторые сомнения, ведь я абсолютно не знал, что там куплено лично им, а что попало в его руки случайно. Учет вел только он, я же просто был доверенным лицом, таким надежным и проверенным кладовщиком. И тогда я стал ждать. Уголовное дело, в которое вляпались твои родители, наверняка еще продолжали расследовать, поэтому мне пришлось жить в постоянном напряжении, ожидая либо повестки, либо обыска. Но время шло, а ничего не происходило. Ты, наверное, хочешь спросить, почему я все-таки не рассказал об этом тебе? Наверняка хочешь. Так вот, о тебе я помнил, но понимал, что еще не время что-либо предпринимать. Предметы искусства, которые хранились в моей квартире, имели свои истории, и я не знал, можно ли с ними выходить на рынок. Это первое. Второе — финансовый вопрос. Как я мог продавать эти вещи? Они же могли быть в списке украденного. Всплывут — и все. Меня бы привлекли. Такой риск существовал всегда. И я вообще решил не прикасаться к тайному складу, но всегда знал, что рано или поздно ситуация разрешится сама собой. Так оно и вышло. Знакомая однажды рассказала, что покупала в салоне мебели диван в гостиную и ей попался великолепный продавец. Он дал несколько советов по интерьеру, а после сделал ей скидку. Когда она назвала имя и фамилию продавца, то я понял, о ком она говорит.

— Да я из того салона давно ушел, — 75
скривил губы Эдик. — Кстати, а если бы
ваша знакомая на меня не наткнулась? Так бы
и покрылось пылью отцовское наследие? Очень
в этом сомневаюсь.

— Я бы нашел место, куда его можно было
бы сплавить, — уверил Эдика Мигунов. — Но это
стоило бы мне очень дорого. И, повторюсь, кол-
лекция мне не принадлежала.

— Боже мой, какая чистая душа! — не выдер-
жал Эдик. — Вы этажом не ошиблись, дядя? Вам
бы в рай, там на таких молятся. Не верю. Не верю!
Ни во что, о чем вы говорите. Мать с отцом сбega-
ют из страны, забыв сказать мне хоть слово и оста-
вив тут... черт побери... огромное состояние! И вы
ни разу не связались со мной за десять лет!

Мигунов мрачно посмотрел в сторону откры-
той балконной двери.

— Ты можешь орать еще громче? — припод-
нял он лохматую бровь. — А то не вся Москва
знает о твоей истерике. Знаешь что? А пойду-ка
я отсюда.

Он встал со стула, и Эдик тут же оказался ря-
дом.

— Сидеть, — прошипел он в лицо Мигуно-
ву. — Не обо всем еще рассказали.

И Мигунов снова опустился на стул. Толь-
ко вот Эдик теперь не последовал его примеру,
а встал в балконном проеме и сунул сигарету в рот.

— Ну, если ты настаиваешь, то я окончу
лекцию, — как ни в чем не бывало продолжил
Мигунов. — Год назад, как раз после слов моей
знакомой о симпатичном продавце, я арендо-
вал помещение на Старом Арбате. Ради этого

76 пришлось-таки продать пару предметов старины из хранимого, и я зарекся заниматься этим снова. Благо, покупатели попались адекватные, а один в прошлом был тесно связан с криминалом. Магазинчик под названием «Фенестра» ранее был спрятан в одном из переулков, там адрес указан в документах, но после мне удалось занять местечко на главной улице. Но это фактический адрес, а юридический будет пока что мой. Сегодня ты должен ознакомиться со всеми бумагами, а завтра я буду ждать твоего звонка, чтобы мы встретились и вместе отправились к нотариусу — без твоей подписи сделка будет недействительной. Это мой подарок на твой день рождения, если ты еще не понял. Но есть еще один нюанс: так как я отдаю тебе то, что, по сути, и было твоим все эти годы, а коллекцию собирал твой отец, то пусть это будет подарок и от него. И от твоей мамы, разумеется. А название магазина можешь менять, я не буду против.

На Эдика снова накатила волна неприятия всего, что сейчас происходило. Внезапный Мигунов со своим вином, папка с документами, а еще только что оборвавшаяся привычная жизнь Эдика, час назад узнавшего о том, о чем он тщательно старался забыть все эти годы. Что-то чужое ворвалось в его голову, в его дом, в его никому до того не нужное существование. И теперь от него требовалось принять то, к чему был совершенно не готов. Внутренний протест был настолько мощным, что мысль о том, что он будет богат, со свистом унеслась прочь из головы, уступив дорогу детским обидам и воспоминаниям об униженном достоинстве, растерянности и ледяном одиночестве.

— Ну, если не завтра, то на днях, — 77
добавил Мигунов. — Понимаю, что нужно все обдумать, переспать со всеми мыслями или даже разбросать пасьянс. Но лучше не тянуть.

— Почему? — все еще не понимал Эдик.

— Да потому что незачем, — резко ответил Мигунов, отодвинул стул и взялся за сумку. — Все законно, никакого подвоха. Я сбрасываю с себя тяжкий груз, а ты получаешь то, что заслужил.

— Я вам не верю.

— Опять двадцать пять, — в сердцах бросил Мигунов. — Потому и говорю: подумай. Завтра или послезавтра жду твоего решения, но я почти что уверен...

— Кто, находясь в своем уме, отказывается от богатства? — не отпускало Эдика.

Мигунов внимательно взглянул Эдику прямо в глаза.

— Я не хочу закончить так, как твои родители, — произнес он. — У меня едва ли получится распорядиться твоим наследством так, как это сделали бы они. А ты, судя по всему, хорошо ладишь с людьми и способен добиваться того, что тебе нужно. Странно, что ты до сих пор этим не воспользовался. Проводи меня до дверей, парень. И не ищи подводные камни — здесь их нет.

Валентина Петровна продиктовала дочери номер телефона, потом по буквам назвала имя и фамилию человека, к которому им предстояло обратиться.

— Скажите ему, что вы от Виталия Игоревича, что он его лечащий врач. Пусть Денис скажет,

78 так будет лучше. Все-таки мужчины легче находят общий язык.

— А кто этот Эдуард? — не поняла Катя. — Он историк или кто?

— У него вроде бы антикварный магазин. Занимается этим делом уже очень давно. Думаю, во всяком старье такие люди хоть как-то разбираются. Может быть, и расскажет что-то о вашей бесценной находке.

— Спасибо, мам.

— Да не за что. Расскажи потом, как сходили.

Катя отложила телефон и посмотрела на квадратный лоскут ткани, лежавший перед ней на столе. Валентина Петровна успела вернуть его дочери, так и не решившись лично посетить антиквара.

Катя уже сто раз успела исследовать платок, измерить длину каждой стороны линейкой и сосчитать жемчужины. Поиски в интернете ничего нового не принесли, и предложение матери воспользоваться связями ее коллег пришлось как нельзя кстати. Только вот за консультацию антиквару, наверное, придется заплатить, но это ничего. Пару тысяч за то, чтобы увидеть свет в конце тоннеля, отдать не жалко.

Глава 4

Англия. Лондон.
Февраль 1554 года

Когда бесстрастный пушечный выстрел сообщил Лондону и его жителям о том, что злобный враг, решивший присвоить престол, мертв, Энн сошла с до-

роги и, остановившись, закрыла глаза. Звук залпа будто бы изо всех сил ударил ее по голове. 79

Она недалеко от входа в Тауэр, а за ее спиной о чем-то негромко переговаривались прохожие, столпившиеся напротив ворот.

— Я бы хотел знать наверняка, что она умерла! — крикнул тощий мужчина, потрясая кулаком.

— Почему нас не пустили посмотреть? — прозвучал женский голос.

— Да ну вас всех в жопу! — заорал какой-то пьяный в сторону гвардейцев, вяло переговаривающихся между собой возле ворот. — О простых людях и не думаете!

Один из гвардейцев всем корпусом развернулся в его сторону.

— Это ты-то человек? — спросил он. — В следующий раз придем тебе приглашение с королевской печатью. Какой у тебя адрес? Канава под забором?

Он рассмеялся и повернулся к зевакам спиной.

«На что вам там смотреть, глупые создания? — мелькнуло в голове Энн. — Все ждете крови. Звери».

Стража молча наблюдала за кучкой замерзших людей, надеявшихся насладиться моментом смерти любого, кого приговорили бы к смертной казни. Но сегодня они точно знали имя той, кого должны были лишить жизни, и чувствовали себя превосходно, предвкушая момент, когда кому-то будет хуже, чем им. Но родная дочь Генриха VIII Мария, занявшая трон, все-таки сохранила в душе остатки человечности по отношению к Джейн, на которую уже не держала зла, даже отправляя ее на смерть. Просто так было нужно. Слабый король будет удобной мишенью. Мария решила, что никогда не допустит этого.

80 — Никакой посторонней публики на территории Тауэра, — приказала она коменданту Тауэра. — Никто из посторонних не должен присутствовать на ее казни. Незачем.

— Понял, — склонил голову комендант Тауэра Джон Бриджес.

Приказ Марии был исполнен. Джейн Грей ушла из этого мира, пусть и с помощью других людей, но сохранила достоинство до последнего вздоха.

Позднее лейтенант Джон Бриджес, глядя на то, что произошло на эшафоте, проклял все на свете, а заодно и своего отца, который очень хотел увидеть сына занимающим высокий пост. Он бы им гордился.

Мария Тюдор, услышав выстрел из пушки, знаменующий смерть любого заключенного, попросила слуг оставить ее одну и долго стояла возле окна — с дергающимися губами, глядя в пол. Но уже к вечеру она успокоила себя мыслями о том, что слишком долго была добра к своей родственнице.

Она сожалеет.

У нее не было другого выхода. У нее никогда не будет другого выхода.

Энн держала в руках полотняную сумку на длинном шнурке, крепко привязанном к поясу платья. Дождавшись, пока зеваки, не получив желаемого, разойдутся, она подошла к одному из гвардейцев, стоявшему возле ворот. На улице было холодно, и немолодой стражник, проклиная все на свете, пытался согреть руки дыханием. Заметив Энн, он тут же приосанился и посмотрел на нее строгим взглядом.

— Извините, не могу ли я увидеть Джона Ниманна? — осторожно спросила Энн.

— А я чем могу помочь? — приподнял бровь гвардеец. — Звать его на всю улицу? Здесь его нет.

— Но он мне очень нужен, — взмолилась Энн. — Он здесь служит. Он охранял покои леди Джейн Грей.

— Той, которая пыталась захватить власть? — подозрительно прищурился гвардеец.

— Той, которую сегодня казнили, — стараясь сохранить спокойствие, ответила Энн.

Мужчина обернулся — возле никого не было.

— Кто ты такая? Лицо знакомое, — слегка подался он вперед.

— Я была ее служанкой.

— Ты же слышала, как выстрелила пушка? Больше нет твоей хозяйки.

— Да, я слышала, — произнесла Энн. — Пожалуйста, мне нужен Джон Ниманн. Где я могу его найти?

— Зачем он тебе?

— Я... я попросила его купить кое-что, — выпалила Энн. — Сама не смогла, а он как раз покидал пост. Мы все тут служим и должны помогать друг другу.

То, что пришло ей в голову, и пугало и окрыляло. До сих пор Энн не доводилось лгать посторонним. Но дела обстояли именно так, что, кроме имени солдата, она ничего не знала: ни где его искать, ни когда искать, ни чего-то еще о нем. Она совершенно потерялась и поняла, что если поддастся эмоциям и заплачет, то последняя просьба леди Джейн не будет выполнена.

— Джон Ниманн! — внезапно зычно выкрикнул гвардеец, глядя за спину девушки. — Иди сюда! Быстрее, быстрее!

82 Энн обернулась. К воротам спешил невысокий черноволосый молодой человек, едва ли старше ее самой. И выглядел он совершенно обыденно, был не в форме и без оружия и очень спешил.

— Что такое? — спросил он у гвардейца, приближаясь.

— Тебя ждут.

— Кто?

— Милое создание, — усмехнулся гвардеец и указал на Энн.

Джон подошел ближе, остановился и непонимающе уставился на Энн. Она тут же схватила его за рукав.

— Вы Джон Ниманн?

— Что вы здесь делаете? — сразу узнал ее Джон.

Не показывая своего изумления, Джон увлек Энн в сторону. Его старший сослуживец, стоявший возле ворот, с усмешкой отвернулся.

— Я вас знаю, я помню вас! — быстро заговорил Джон. — Вас зовут Энн, мы виделись несколько раз, но вы, наверное, меня не вспомните. Я нес вахту возле камеры, где жила леди Джейн. Я был там.

— Я все об этом знаю, хоть и не помню вас совсем, — перебила его Энн. — Но моя госпожа поделилась со мной. Она рассказала о том, что вы принесли ей кое-что, чтобы она смогла избежать мучительной смерти.

— Да, принес. Было сложно достать, но я постарался, — признался Джон. — Она не воспользовалась моей помощью. Я... я ушел сегодня отсюда специально, чтобы...

— Но пушки говорят очень громко, — поняла Энн. — Они сообщили о ее смерти каждому в Лондоне.

Джон стиснул зубы и на мгновение от-
вернулся. Энн не нужно было объяснять, что
он старается справиться со своими чувствами. Она
и сама еле сдерживала слезы.

— Так что вы хотели? — спросил Джон.

— Леди Джейн просила вам кое-что передать.
Джон окинул ее непонимающим взглядом.

Энн подошла совсем близко.

— Никто ничего не знает, Джон. Леди Джейн
уже ничего и никому не расскажет. А я вас не вы-
дам. Она очень тепло отзывалась о вас. Но мне дей-
ствительно нужна ваша помощь.

Джон не был деревенским дурачком, который
мог бы поверить в любую чушь, услышанную в боль-
шом городе. Он родился и вырос в Лондоне, поступил
на службу в Тауэр и, несмотря на свой довольно мо-
лодой возраст, многое успел повидать.

Выслушав Энн и мало что поняв из ее расска-
за, он был обескуражен, удивлен, но понял, что ни
в какую темную историю его не втягивают. На
шпионку Энн была не похожа, а Джону приходилось
встречаться с разными личностями — в том числе
и с теми, кто втирался в доверие и вынюхивал вся-
кое, совсем их не касающееся. Он помнил, как недав-
но в его отряд не явился один слишком разговорчивый
тип, который болтал о всяком. Позже выяснилось,
что его и след простыл, и даже его жена не знала,
куда он делся.

— Помогите исполнить последнее желание
той, которую мы оба любили, — попросила Энн. —
Я вам все расскажу, а там уже сами решайте. Но
леди Джейн приказала обратиться именно к вам.
Значит, вы вызывали у нее доверие. Если вы не захо-
тите слушать меня, то я уйду, но прежде попрошу

84 вас забыть о нашей встрече. Ничего плохого я в уме не держу, поверьте...

— Я верю, верю.

Джон взял Энн под локоть и сжал пальцы.

— Если вы знаете про яд, который я передал леди Джейн, значит, вы знаете достаточно и обо мне тоже, — многозначительно произнес он.

Энн посмотрела в его карие глаза и медленно кивнула.

— Через час буду ждать вас... — он прикусил губу и осмотрелся, — ... возле Темзы. Отсюда вам нужно свернуть налево, пройти немного вниз, к набережной. Прямо там и подождите меня.

— Я знаю, в какую сторону течет Темза, — горько улыбнулась Энн.

— На улице холодно, — продолжил Джон. — На набережной неподалеку открыли ординарию — она там одна. Можете зайти внутрь, если не побоитесь местных.

— Я подожду вас там, — пообещала Энн.

Джон крепко сжал ее руки и заторопился к воротам. Его сослуживец насмешливо взглянул в их сторону.

— Не жениться ли собрался? — нарочно погромче спросил он.

— На тебе, что ли? — тут же нашелся Джон. — Извини, но мы мало знакомы.

— Пошутил бы ты так с комендантом! — захохотал гвардеец.

— Так ты и не комендант...

Энн высвободила руку и пошла прочь. Повернув налево, она спустилась к Темзе и задохнулась от сильного ветра, пахнувшего в лицо. Кто-то из прохожих толкнул ее в спину, тихо выругался, и Энн,

отступив в сторону, сошла с дороги. Подол ее платья был в грязи, глаза закрывались от усталости. Ей вдруг очень захотелось уткнуться лицом в колени леди Джейн и выплакаться, прощаясь, но теперь, после разговора с Джоном Ниманном, в ее душе поселилась крохотная надежда на что-то, что поможет ей со всем справиться.

Энн похлопала рукой по сумке, проверяя, не потерялось ли что-то, и медленно пошла в сторону Вестминстерского аббатства.

Двери ординарии были распахнуты, и Энн слышала доносящийся изнутри пьяный женский смех.

«Значит, женщины из портов тоже сюда приходят, — поняла она. — Не пойду, а то еще примут за одну из них».

Ее страхи были обоснованны. Энн теперь была полностью беззащитна. К тому же при ней находились драгоценные вещи, которыми нужно было распорядиться именно так, как того хотела леди Джейн Грей. Помня, что недобрых людей вокруг довольно много, Энн старалась не привлекать к себе внимания, но понимала, что все ее усилия тщетны: она слишком долго топчется на одном месте, не отходя более чем на тридцать шагов от дверей ординарии.

Так она и стояла на набережной, прижимаясь к стенам построек и изредка прохаживаясь туда-сюда, чтобы размять ноги. Запах горячей еды, сочившийся из открытых дверей ординарии, мучил ее, но она продолжала терпеливо ждать. По ее понятиям, тот отрезок времени, о котором говорил Джон Ниманн, давно уже прошел, но сам он все не появлялся.

86 *В какой-то момент Энн решила было уйти, но вдруг заметила неподалеку от себя нищенку, стоявшую на коленях. Видимо, она торчала возле дороги уже давно, так как ее спина напоминала дугу, а нос вот-вот должен был клюнуть собственную ладонь, протянутую за подаением.*

— *Нет у меня ничего, — прошептала девушка. — Ни для себя, ни для кого-то еще.*

— *Вы здесь! — услышала она знакомый голос.*

Джон мигом оценил состояние измученной девушки. Он подхватил ее под руку.

— *Что же вы, так и не решились зайти в тепло? Могли бы подождать меня там.*

— *Там все-таки небезопасно.*

— *В основном туда приходят обычные работы. Сам я посещаю то место с братом, когда он возвращается домой. Он моряк, ему земная еда всегда кажется вкуснее той, которую он получает во время морской вахты, а здесь, кроме мяса, еще предлагают довольно сносное пиво. Но потом наши дороги расходятся. Я возвращаюсь домой один, а он укладывается в койку с очередной дамой.*

Энн подняла голову — сверху накрапывал колючий дождик.

— *Позвольте, я приглашу вас к себе домой, — сказал Джон. — Брата сейчас дома нет, мы сможем спокойно поговорить.*

Энн обхватила руками сумку. Что, вот так вот сразу? А если он из тех, кто только и ждет, чтобы обидеть?

Мысли были здравыми, но Энн не чувствовала подвоха. Этот человек хотел помочь ее госпоже, рисковал из-за этого собой, а сейчас готов помочь и Энн. Она верит ему. Верит.

— *Далеко ли отсюда до вашего дома?* 87

— *Дойдем пешком и даже не устанем,* — *ободряюще ответил он.*

До жилища Джона пришлось, однако, добираться гораздо дольше из-за того, что самая краткая дорога оказалась перекрытой из-за опрокинувшейся повозки, груженной мешками с мукой. Попав в широкую лужу, мука тут же превратила ее в белесое месиво, через которое невозможно было ни пройти, ни проехать.

— *Джон, давайте поговорим здесь,* — *предложила Энн, указав на ближайший проход между двумя домами из серого камня.*

В окне одного из них она заметила маленького чумазого мальчика, разглядывавшего происходящее на улице, и на миг даже позавидовала ему — он сидел если не в тепле, то хотя бы в сухой одежде.

— *Придется,* — *согласился Джон. — Я-то думал, что наконец окажусь там, где нас никто не услышит.*

— *Вы про свой дом?*

— *Там спокойнее и нечего бояться.*

— *Вы можете меня не стесняться,* — *твердо ответила Энн, оказавшись под навесом. — И мужские слезы мне не в новинку. Сегодня я потеряла часть себя, клянусь вам. Вы тоже всеми силами поддерживали мою хозяйку, я ведь не ошибаюсь?*

Джон стоял рядом, засунув руки в карманы, и, казалось, не слышал слова служанки. Но и поза его, и остановившийся взгляд, направленный в сторону, говорили об обратном.

— *Не ошибаетесь. Тауэр... Мрачное место. Устал играть роль безмолвного пугала в гвардейской*

88 *форме. Я охраняю камеры, в которых томятся настоящие мученики, а не отпетые злодеи. Каждый из них просит у Бога поскорее освободить его. Потому я и раздобыл яд. Леди Джейн Грей вообще не должна была там оказаться.*

— Это ужасное стечение обстоятельств! — горячо поддержала его Энн. — Этого не должно было случиться. Ее использовали и муж, и его семья. Я их ненавижу. Теперь я могу об этом сказать. И мне все равно, если вы...

— Я вас не выдам.

Энн схватилась за его рукав.

— Помогите мне, — попросила она.

— Так чем я могу вам помочь? — поинтересовался он, подняв воротник.

И Энн заговорила. По мере ее рассказа лицо Джона успело сменить несколько выражений, но в общем и целом он проявлял к словам служанки должное внимание. Не перебивал, а если и задавал вопросы, то непременно извинялся за то, что перебил. Узнав о том, что «девятиндневная королева» оценила его желание помочь ей избежать эшафота, он склонил голову и долго смотрел под ноги. С каждым словом Энн убеждалась в том, что она не сбилась с пути, а, напротив, выбрала верный путь — Джон теперь казался ей самым надежным человеком на земле.

— Бежать из страны с маленьким ребенком? — Джон был потрясен, узнав о последней воле казненной леди Грей. — Как? Куда? На что вы будете существовать?

— А есть другой выход? — с отчаянием спросила Энн. — Я могу остаться в замке Судли с миссис Гримсон и ее семьей и рядом с маленьким Генри, но надолго ли мы останемся в безопасности?

— Боюсь, что о вашем спокойствии речи уже не идет, — согласился Джон. — Но то, о чем вы рассказали, будет сделать совсем не легко. Я... поговорю с братом. Ему всегда было плевать на политику, потому что в море свои законы. А сердце у него доброе. Мы потеряли родителей, когда ему было двенадцать, а мне едва исполнилось шесть. Только благодаря брату я сейчас дышу и могу отличить одну букву от другой.

— Он воспитывал вас и защищал, — догадалась Энн.

Джон шмыгнул покрасневшим носом.

— Он всегда давал мне дельные советы. Не сомневаюсь, что выручит и сейчас. А еще он умеет держать язык за зубами, даже когда напивается, — ответил Джон. — Просто не умеет по-другому. Приходите завтра к главным воротам Тауэра. Думаю, у меня уже будут для вас кое-какие новости. А сейчас мне пора возвращаться. Вам есть куда пойти?

Энн вздрогнула. Как и почему она совершенно забыла о том, что даже после казни леди Джейн Грей ей придется остаться в распоряжении ее матери?

У Энн задрожал подбородок. Леди Фрэнсис Грей не особо любила старшую дочь Джейн и относилась к ней не с материнской любовью, а как к практичной вещи, о чем леди Джейн рассказывала служанке не раз.

— Иногда мне кажется, Энн, что я родилась с кучей долгов, — откровенничала Джейн. — Я должна, везде должна. Должна молчать, когда хочу говорить, и наоборот. Должна одеться в черное, идя в церковь, тогда как многие вообще пропускают службы. Должна есть, когда не голодна, и пить, даже если не хочу. Я вижу родителей так редко, что

90 уже привыкла к этому. Мама хочет жить при дворе, всеми силами стремится к этому и тянет за собой меня с сестрой. Но я не хочу. Понимаешь меня? Чувствую, что там я потеряю все и потеряюсь сама. Ты никому не говори о моих мыслях, Энн. Пожалуйста. Ты для меня лучшая подруга, потому что только с другом я и могу поделиться.

Энн молчала. Она умела хранить секреты и знала о многих из них.

— Да, мне есть где переночевать, — кивнула Энн. — До свидания, Джон. До завтра.

Леди Фрэнсис, почерневшая от горя после потери дочери, ославленной на всю страну, плохо осознавала все, о чем ей говорила служанка Энн. А та лишь просила разрешения провести ночь в комнате своей госпожи, чтобы собрать ее вещи.

Леди Фрэнсис разрешила и приказала утром возвращаться в Глостершир, в поместье Судли. Там юная Джейн жила на правах воспитанницы. Там она и подружилась с Энн.

Оставшись в каменной камере одна, Энн опустилась за стул, где несколько часов назад сидела ее хозяйка. Камин в то утро не топили, и все, к чему прикасалась Энн, казалось остывшим. До самого вечера она не зажигала свечи, почти не двигалась и смотрела в одну точку. Но какой-то звук, пришедший с темнотой и разлетевшийся по каменным коридорам крепости, заставил ее прийти в себя.

Энн встала, переоделась. Аккуратно сложила личные вещи леди Джейн и подмела полы. Выпила воду, оставшуюся в кружке леди Джейн. После чего легла в ее постель и закрыла глаза.

После того как супруги Джейн Грей и Гилфорд Дадли покинули замок, прошло несколько месяцев. Прислуга в основном следила за чистотой и порядком, переживая набег королевских наемников, которые то и дело искали одно и то же — пособников леди Грей. Каждый раз потом они увозили с собой в Лондон какого-нибудь зазевавшегося слугу, чтобы возвращаться не с пустыми руками, и их совершенно не волновало, что слуга поступил на работу в Судли уже после ареста бывших хозяев поместья. В остальное же время, радуясь без призора, многие из обслуги вели себя так, как им вздумается, и жили одним днем.

Увидев промокнувшую под дождем Энн, вбежавшую в кухню, миссис Гримсон не поверила своим глазам. Она не видела ее с тех самых пор, как хозяева отправились в Лондон, увозя с собой грандиозные платья, которым не суждено было сбыться.

Поев и обсохнув, Энн передала миссис Гримсон суть предсмертного послания леди Джейн на словах и подтвердила его письмом, написанным рукой ее бывшей хозяйки незадолго до казни. Узнав о том, что леди Джейн мертва, а малыша Генри нужно будет отдать в чужие руки, миссис Гримсон сначала заплакала, а потом с подозрением уставилась на девушку.

— Если ты задумала плохое, то лучше даже не начинай, — предупредила миссис Гримсон. — Я ведь могу и ноги переломать. Куда ты пойдешь с ребенком?

Энн была готова к подобной реакции. Она показала миссис Гримсон перстень, принадлежавший матери леди Джейн.

— Помните его? — спросила она. — Он приметный, забыть его сложно.